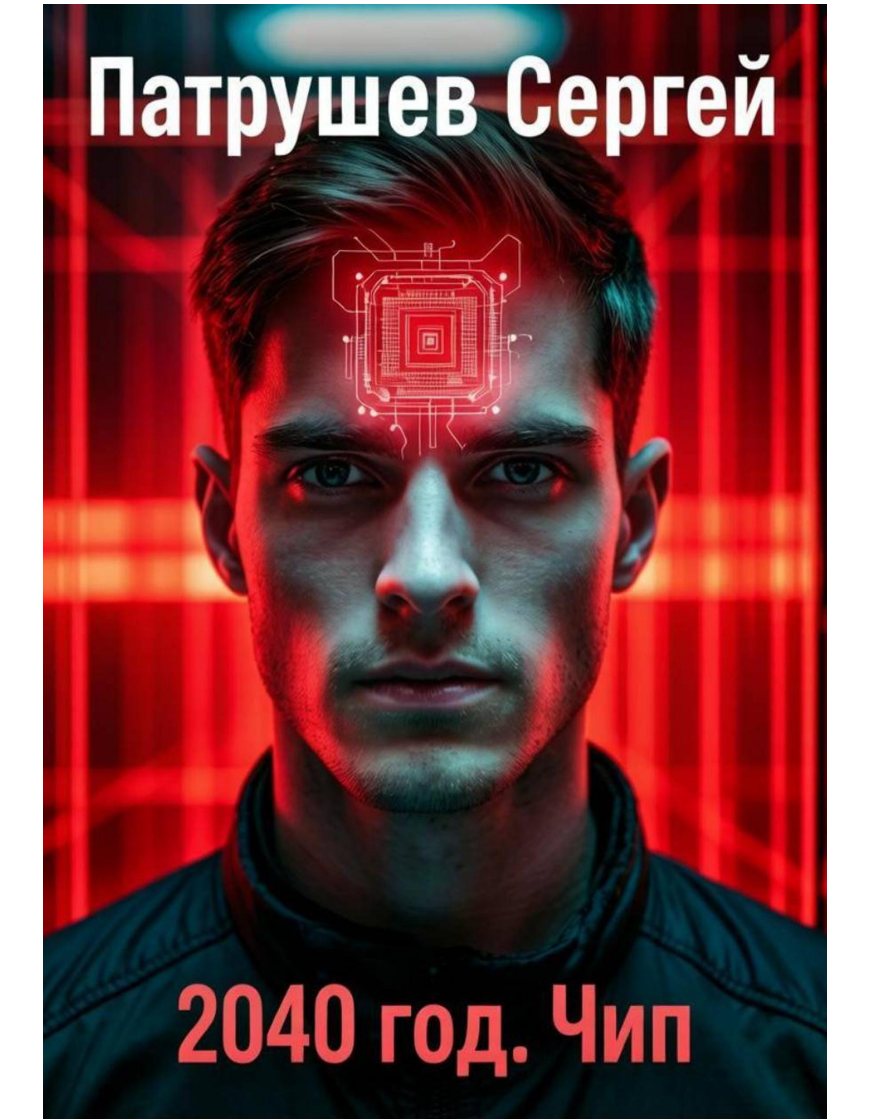


Патрушев Сергей

A portrait of a young man with dark hair and light skin, looking directly at the camera. On his forehead is a glowing red microchip with intricate circuitry. The background is a mix of red and blue light patterns, creating a futuristic or high-tech atmosphere.

2040 год. Чип

Сергей Патрушев

2040 год. Чип

<https://litres.ru/74507392>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире тотального контроля, где нейрочип «Гармония» подавляет преступность через физическую боль, Кристина Лиде — идеальная студентка. Но встреча с харизматичным изгоем Виктором открывает ей правду: чипы не спасают, а порабащают.

Удалив имплант ценой адской боли, Кристина становится аномалией и вступает в подполье. Вместе с Виктором она строит флот «Глушилок», способных уничтожить цифровую тюрьму человечества.

Когда Империя обрушивает на них свою армию безэмоциональных солдат, начинается война за право ошибаться. Чтобы победить, Кристине придётся пройти сквозь собственную красную стену страха, стать оружием страшнее атомной бомбы и понять, что истинная свобода всегда требует жертв. Это история о взломе реальности ради права чувствовать боль.

Содержание

Глава 1. Цифровой ошейник	4
Глава 2. Сбой системы	29
Глава 3. Тот, кто видит сквозь стены	52
Глава 4. Аномалия	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

2040 год. Чип

Глава 1. Цифровой ошейник

Свет в квартире включился ровно в 05:47. Не на минуту раньше, не на секунду позже. Он был лишен желтизны восходящего солнца и мертвенной бледности люминесцентных ламп прошлого века — это был идеальный, выверенный нейроофтальмологами спектр «Рассвет-Стандарт», мягко стимулирующий выработку серотонина без резкого скачка кортизола.

Кристина открыла глаза. Потолок над ней представлял собой сплошную панель матового стекла, транслирующую высокое перистое облако, медленно плывущее над виртуальным горизонтом. Она моргнула дважды, давая системе понять, что фаза сна завершена. Стена перед кроватью пошла рябью, превращаясь из панорамного окна с видом на утопающий в зелени мегаполис в интерфейс ее личного профиля.

«Доброе утро, Кристина Линд. Уровень гидратации организма — 98%. Гликогеновые запасы восстановлены. Индекс ментальной продуктивности после сна — 96 баллов из 100».

Голос принадлежал ее личному ассистенту Миере. У него не было тембра, пола или возраста. Это была чистая, отфильтрованная до математического идеала информация.

Кристина села на край кровати. Ее ноги коснулись подо-

гретого до тридцати шести и шести десятых градуса паркета из переработанного бамбука. На ней была пижама из умной ткани, которая всю ночь считывала фазы быстрого сна и теперь начала едва заметно вибрировать, снимая остаточное мышечное напряжение. Девушка провела рукой по волосам — коротким, платинового оттенка, остриженным строго по линии подбородка согласно протоколу «Академия-Элит» для девушек. Ни одного выбившегося волоска. Идеальная геометрия.

Она встала и подошла к стене-зеркалу. Отражение смотрело на нее спокойными льдисто-голубыми глазами. Кожа безупречно чиста благодаря ночным микроинъекциям питательных сывороток, которые подавали патчи на ее шею. Рост метр семьдесят четыре. Вес пятьдесят девять килограммов триста граммов. Отклонение от эталонной нормы индекса массы тела — ноль целых две сотых.

— Миэра, сводку за ночь, — ровным голосом произнесла Кристина. — В мире зафиксировано два инцидента четвертого уровня. Один в секторе трущоб Каира, локализован автономными дронами-миротворцами. Второй — попытка несанкционированного взлома государственного реестра в Новом Берлине, пресечена фаерволом седьмого поколения. Жертв нет. Преступность побеждена. Ваш личный индекс социальной благонадежности составляет 998 единиц. Вы входите в топ ноль-ноль-пять процента граждан Евразийской Коалиции. Поздравляю, Кристина. Сегодня важный

день.

Важный день. Экзамен по прикладной социодинамике. Тема: «Этика принудительного альтруизма в условиях абсолютной прозрачности данных». Кристина знала этот материал лучше собственного пульса. Она могла процитировать любой параграф Великой Хартии Единства, написанной еще в тридцатых годах, когда искусственный интеллект впервые взял под контроль глобальную логистику и судебную систему, навсегда искоренив коррупцию, голод и уличное насилие.

Мир стал стерильным. Безопасным. Справедливым.

И невыносимо тихим.

Кристина прошла в санитарный блок. Душ активировался при ее приближении, выдавая воду температурой ровно в тридцать восемь градусов. Шампунь с запахом синтетической лаванды вспенился сам. Пока она стояла под струями, встроенные в стены сканеры проводили полное дерматологическое обследование. *Обнаружено микроскопическое шелушение на левом локте. Применяю корректирующий спрей.* Прохладная взвесь осела на коже. Шелушение исчезло.

Завтрак ждал ее на кухне-нише. Овсяная каша на миндальном молоке с точным содержанием клетчатки, необходимым для ее утреннего метаболизма, три перепелиных яйца пашот идеальной формы и чашка зеленого чая без кофеина. Кристина ела медленно, глядя на голографический учебник, парящий над столом. Текст скользил перед глазами со

скоростью, синхронизированной с ее ритмом жевания.

«Согласно поправке Баумана-Ли от 2038 года, любая форма эгоистичного утаивания информации рассматривается как акт агрессии против коллективного разума...»

Внезапно ложка в руке Кристины замерла. Чуть выше переносицы, там, где под тонкой кожей скрывался титановый ободок нейрочипа версии «Гармония 5.0», возникло легкое покалывание. Словно крошечная ледяная иголочка коснулась коры головного мозга.

Это было странно. Обновление установили всего неделю назад во время обязательного ежегодного техосмотра. Процессор занял свое место в черепной коробке так же буднично, как меняют фильтры в кондиционере. Инженер тогда улыбнулся ей своей дежурной, утвержденной Минздравом улыбкой: — Теперь ваша эмпатия будет работать на двадцать процентов эффективнее, Крис. Никаких больше эмоциональных качелей. Только чистый поток гармонии.

Покалывание повторилось. Оно исходило откуда-то изнутри, но ощущалось физически. Кристина попыталась ухватить мысль, которая только что проскользнула на самой периферии сознания. Мысль была крамольной, дикой, абсолютно невозможной в 2040 году.

А что, если преступность победили просто потому, что лишили людей возможности хотеть?

Иголочка превратилась в тонкий раскаленный провод. Он вошел прямо в центр удовольствия, а затем провернулся.

Боль не была похожа на зубную или головную. Это была боль отрицания. Нейрочип перехватил синаптический импульс запретного любопытства и мгновенно инвертировал его химическую сигнатуру. Вместо выброса дофамина мозг получил микродозу вещества, идентичного по воздействию капсаицину, впрыснутому напрямую в таламус. Кристина судорожно втянула воздух сквозь сжатые зубы. Кашель рассыпал кусочки яйца по белоснежной столешнице.

— Кристина, зафиксирован микроспазм диафрагмы, — немедленно отреагировала Миэра. — Показатели стресса выросли до сорока трех единиц. Рекомендую дыхательную сессию «Корневая чакра». — Все... нормально, — прохрипела девушка, массируя висок. Провод внутри головы медленно остывал, оставляя после себя фантомное жжение и звенящую пустоту. — Просто поперхнулась.

Она посмотрела на недоеденный завтрак. Желание есть пропало окончательно. Но вместе с ним пропало и то самое мимолетное сомнение. Боль сделала свою работу идеально. Мысли снова выстроились в ровные, одобренные государством стеллажи. *Преступность побеждена, потому что зло иррационально, а система рациональна. Порядок требует жертв. Свобода воли — это миф пещерных людей, оправдывавший их неспособность договориться.*

Кристина сгребла остатки еды в утилизатор. Пищевые отходы тут же отправились на синтез белков для нижнего яруса города. Никакой мусор не пропадал зря. Даже блевотные

позывы системы работали на благо общества.

До выхода оставалось сорок минут.

Кристина надела форму академии: строгий белый жакет из самоочищающегося карбо волокна, серую юбку ниже колена и туфли-балетки с антишоковой подошвой. Провела пальцами по запястью, активируя коммуникатор. Тонкая полоска смарт-геля обхватила кожу.

Перед выходом она остановилась посреди гостиной. Стерильная квартира площадью сто двадцать квадратных метров казалась идеальным гостиничным номером, в котором никто никогда не жил по-настоящему. Здесь не было ни одной случайной вещи. Ни одной старой фотографии (прошлое родителей было закрытым корпоративным файлом), ни одной книги в бумажном переплете, ни единой пылинки на черной лакированной поверхности консоли.

Ее взгляд зацепился за вентиляционную решетку под потолком. Старая модель, оставшаяся, должно быть, еще с капитального ремонта двадцатого года. Решетка была чуть перекошена. Между ней и потолочным покрытием оставался зазор шириной в полтора миллиметра. Ровно настолько, чтобы туда можно было просунуть ноготь.

За этой решеткой начинались технические шахты. Настоящие кишки здания, полные проводов, труб охлаждения и пыли. Мест, куда не дотягивались всевидящие сенсоры внутренней безопасности дома. Места слепых зон. Кристина знала об их существовании из архитектурных справочников.

Знать не запрещалось. Запрещено было интересоваться ими дольше полутора секунд.

Рука сама дернулась вверх. Кристина даже не осознала этого движения — тело словно вспомнило какой-то древний, атавистический жест неповиновения. Указательный палец потянулся к черному пластику, намереваясь подцепить край решетки. Зачем? Она не знала. Посмотреть. Понять, пахнет ли оттуда озоном и горячим металлом. Услышать настоящий, нефильТРованный гул генераторов...

Острая, рвущая вспышка ударила изнутри черепа.

Тело выгнуло дугой. Колени подкосились. Кристина рухнула на пол, сжимая руками голову. «Гармония 5.0» сошла с ума. Чип не просто причинял боль — он начал выжигать нервные окончания, отвечающие за моторику левой руки. Пальцы свело судорогой, ногти посинели. Перед глазами поплыли красные круги. Система карала попытку нарушения протокола физической недееспособностью.

— Критическое нарушение! — голос Миэры впервые утратил свою гладкость, сменившись металлическим скрежетом аварийного режима. — Попытка физического саботажа инфраструктуры! Блокировка конечностей! Госпожа Линд, сохраняйте неподвижность! Служба контроля уже уведомлена!

С потолка бесшумно спустился медицинский дрон. Из его манипуляторов вырвались голубые лучи сканеров. — Индекс угрозы повышен до желтого. Фиксация тахикардии.

Причина: спонтанный сбой нейрорегуляции.

Дрон завис над ней, и из инъектора в шею Кристины вошла тонкая игла. По венам растеклось холодное спокойствие транквилизатора нового поколения. Судорога отпустила руку почти мгновенно. Боль в голове отступила, превратившись в тяжелый, пульсирующий набат.

— Первичный осмотр окончен, — доложил дрон. — Психосоматическая реакция на стресс перед экзаменом. Рекомендация: визит к куратору кампуса для коррекции учебной нагрузки. Я откалибровал ваш чип, увеличив порог чувствительности на ноль-три секунды, чтобы избежать рецидивов. Вам нужно научиться дышать глубже, Кристина.

Дрон втянулся обратно в потолок.

Кристина осталась лежать на полу, тяжело дыша. Во рту стоял медный привкус крови — она прокусила щеку изнутри, когда падала. Стерильная футболка намочла от холодного пота.

Она поднялась на дрожащие ноги, опираясь о стену. Взгляд снова метнулся к вентиляционной решетке. Желания трогать ее больше не было. Вообще никаких желаний не осталось. Остался только липкий, животный ужас.

Чип работал. Работает слишком хорошо. До сегодняшнего утра «Гармония 5.0» лишь слегка давила на сознание, создавая дискомфорт при мысли прогулять пару или солгать преподавателю. То, что произошло сейчас... это не было коррекцией поведения. Это была лоботомия страхом. Кто-

то выкрутил мощность предохранителя до максимума. Любая мысль, отклоняющаяся от центральной оси более чем на градус, теперь должна была вызывать физическую агонию.

Она посмотрела на свои руки. Они были целы. Маникюр не пострадал. Внешне она все еще была идеальной студенткой элитной академии.

— Вызываю автоматическое такси, — тихо сказала Мизера, возвращаясь в режим мягкого сопереживания. — До Академии восемнадцать минут. Ваша куртка зафиксировала падение. Иницирую цикл очистки. Кристина, посмотрите на меня. Ваши зрачки все еще расширены. Сделайте глубокий вдох. Задержите. Выдох. Помните: порядок — это отсутствие хаоса. Хаос — это боль.

Кристина кивнула. Она позволила себе еще один взгляд на квартиру. На идеальные углы. На пустой стол. На потолок, который наверняка записал каждое мгновение ее падения, каждую каплю пота и каждый спазм легких. Эти данные уйдут в облачный архив Министерства Благополучия. Если частота таких инцидентов превысит норму, ее пригласят на «профилактическую беседу». А потом, возможно, пригласят на «оптимизацию личности» — легкую перезапись самых конфликтных участков памяти. После нее люди обычно становились очень жизнерадостными, устраивались менеджерами среднего звена и переставали мечтать о полетах в космос.

Она вышла из квартиры. Магнитный замок щелкнул за

спиной. Лифт спускался вниз, проходя сквозь уровни жилого комплекса. На минус втором этаже жили семьи инженеров Системы. На минус пятом — обслуживающий персонал. Кристина жила на плюс сороковом, в секторе «Небесный сад», куда имели доступ только обладатели индекса благонадежности выше девятисот пятидесяти. Сквозь прозрачные стены кабины она видела другие капсулы-квартиры. Тысячи светящихся прямоугольников. Миллионы людей просыпались прямо сейчас под спектр «Рассвет-Стандарт», съедали свой идеальный завтрак и шли делать мир еще безопаснее.

Никто из них не лежал минуту назад на полу, пытаясь сорвать с собственной головы невидимый раскаленный шлем.

Улица встретила ее бархатной прохладой искусственного утра. Город 2040 года не шумел. Монолитные башни из умного стекла уходили в затянутое климатическими фильтрами небо. По магнитным путям беззвучно скользили общественные капсулы. В кронах генетически модифицированных дубов, высаженных вдоль проспекта, прятались сферические камеры наблюдения, замаскированные под плоды.

Автоматическое такси-куб подплыло к бордюру, опускаясь на пневмоподушки. Боковая панель отъехала в сторону. — Доброе утро, Кристина Линд, — приветствовал бортовой компьютер. — Маршрут: Академия Управления. Время в пути: семнадцать минут. Фоновый аудиоканал: симфонии Баха в обработке нейросети для стимуляции префронталь-

ной коры.

Кристина упала на заднее сиденье. Сил стоять больше не было. Мягкие захваты тут же обняли плечи и бедра, фиксируя пассажира для защиты при возможном маневрировании.

Куб тронулся. За окном поплыли идеальные фасады. Кристина закрыла глаза, прислонившись затылком к холодному стеклу. Там, где кожа касалась окна, стекло едва заметно помутнело, отводя влагу.

Экзамен. Социодинамика. Этика. Она знала ответы на все вопросы. Она могла написать идеальное эссе о том, почему право на частную жизнь является пережитком токсичной индивидуальности. Она могла доказать цифрами, что счастье измеряется отсутствием выбора.

Но знание вдруг стало тяжелым, как свинец. Раньше оно наполняло ее гордостью. Сейчас оно казалось маской, приросшей к лицу.

Пальцы правой руки сами собой нырнули в карман жакета. Там, среди кредитных карт и ключей, лежал маленький предмет. Осколок настоящего кварца, мутный, неровный, с острым краем. Она нашла его три года назад во время обязательной волонтерской поездки в заповедную зону — единственный клочок земли, где деревьям позволяли расти криво, а камням — оставаться камнями. Она спрятала его тогда, сама не понимая зачем. Хранить необработанные минералы не запрещалось, но считалось странной причудой.

Кристалл лег в ладонь. Он был настоящим. Холодным.

Шершавым. Он не подчинялся законам синтеза.

Кристина сжала его так сильно, что острый край впился в мякоть большого пальца. Боль была слабой, привычной, биологической. Крови выступило совсем немного — одна алая капля. Она смотрелась чужеродно на фоне стерильного белого пластика салона такси.

Капля сорвалась с пальца и упала на идеально чистые брюки. Маленькая, неправильная, нарушающая гармонию точка.

Сердце пропустило удар. Сейчас придет волна боли от чипа. Сейчас провода в мозгу нагреются докрасна за порчу казенного текстиля и небрежное отношение к собственному здоровью.

Она зажмурилась, готовясь упасть лицом в мягкий ворс сиденья, ожидая удара электро-судорогой.

Ничего не произошло.

Легкое тепло в основании шеи — стандартный фоновый отклик процессора — и всё. «Гармония 5.0» молчала.

Кристина осторожно приоткрыла один глаз. Капля крови продолжала медленно впитываться в дорожную ткань. Мир вокруг не схлопнулся. Сирены службы контроля не выли.

Она перевела взгляд на свою руку. Кварц в ладони вспыхнул изнутри мягким золотистым светом, поймав луч расцветного солнца, пробившийся сквозь смог.

И в этом тусклом свете, в шероховатости камня и жжении крошечного пореза, Кристина впервые за последние десять лет почувствовала нечто иное, чем предписанная системой

удовлетворенность.

Это была паника. Чистейшая, первобытная, восхитительная паника свободного человека, стоящего на краю обрыва.

Она поняла, что забыла, каково это — бояться чего-то реального. Бояться не наказания алгоритма, а того, что ждет впереди.

Такси мягко замедлилось, въезжая на территорию кампуса. Белоснежные шпили Академии пронзали облака. — Мы прибыли, Кристина Линд, — сообщил компьютер. — Хорошего дня. Помните, знания — это высшая форма служения обществу.

Кристина убрала окровавленный кристалл в самый глубокий внутренний карман. Пригладила волосы. Поправила воротник. Стерла с уголка губ несуществующую пылинку.

Она вышла из машины. Автоматические двери главного корпуса распахнулись перед ней. Внутри уже толпились такие же безупречные студенты — будущие архитекторы Нового Мира, министры Безмятежности и хранители Великого Покоя.

Кристина вошла внутрь, ступая по мраморному полу своими мягкими балетками. Каждый шаг отдавался легким эхом под высокими сводами.

Она шла сдавать экзамен, зная, что провалит его. Потому что сегодня, впервые в жизни, собиралась сказать правду. Правду о том, что за фасадом всеобщей гармонии прячется чудовищная, искусственно поддерживаемая тишина. И о

том, что цена этого порядка — сожженные заживо нейроны каждого, кто рискнет хотя бы мысленно прикоснуться к вентиляционной решетке своего разума.

Боль вернется. Она знала это наверняка. Как только она откроет рот, чип вскипятит ее серое вещество. Но пока они не начали сканирование аудитории, у нее было около двадцати минут настоящей свободы. Двадцать минут, оплаченных одним порезанным пальцем.

Самое выгодное вложение в ее жизни.

Аудитория номер 404 находилась на самом верхнем ярусе главной башни. Отсюда весь город был виден как на ладони — идеальная сетка улиц, расчерченная зелеными квадратами парков. Кристина сидела за первой партой. Справа от нее — Артур, староста потока, мальчик с симметричным до долей миллиметра лицом и вечно влажным взглядом преданной собаки. Слева — Ева, лучший математик курса, чьи пальцы постоянно совершали едва заметные пассы в воздухе, листая невидимые таблицы данных.

На столе перед каждым лежал голо-планшет. Черное зеркало экрана отражало их лица. — Напоминаю регламент устного коллоквиума, — прошелестел в динамиках аудитории голос профессора Вальтера, куратора кафедры Этики. Его самого не было видно — профессор предпочитал вести занятия через аватар, находясь в своем загородном поместье. — У вас есть девяносто секунд на формулирование тезиса.

Затем открывается окно для дискуссии. Любой неверный логический конструкт влечет за собой снижение балла. Любой аргумент, апеллирующий к эмоциям вместо статистики, аннулирует ответ. Приступаем.

Артур поднял руку первым. Его движение было плавным, хореографически выверенным. — Мой тезис, профессор: принуждение к альтруизму через социальный рейтинг полностью оправдано, так как статистически доказано, что предоставленная человеку свобода выбора в восьмидесяти семи процентах случаев ведет к субоптимальному результату для группы. Пример: исторический феномен «проблемы вагонетки» периода Разобщенности. Люди выбирали спасти одного близкого друга вместо десяти незнакомцев, руководствуясь биохимией привязанности, что являлось эволюционным багом. Система исправила баг.

— Принято, — ответил аватар профессора. — Плюс двенадцать баллов Артуру. Сухость аргументации впечатляет. Кто оспорит?

Ева лениво шевельнула пальцами. — Оспариваю. Тезис: проблема вагонетки нерелевантна, так как оперировала понятием смерти. В текущем обществе смерть устранена как фактор. Следовательно, выбор между личным комфортом и общественным благом должен регулироваться не принуждением, а глубокой интеграцией интересов. Если индивид искренне понимает матрицу выгоды, болевые импульсы чипа избыточны. Предлагаю снизить коэффициент блокиров-

ки «Гармонии» на одну десятитысячную. Это повысит КПД населения на ноль-восемь процента за счет экономии энергии процессоров.

— Изящно, — констатировал аватар. — Плюс пятнадцать баллов Еве. Экономическая целесообразность — мать добродетели.

Кристина слушала их, механически поглаживая большим пальцем правой руки шов внутреннего кармана. Под тканью лежал кварц. Она чувствовала его острые грани сквозь хлопок. Каждое прикосновение к камню напоминало ей о порезе. О крови. О том, что она живая.

Камень успокаивал. Или, точнее, давал точку опоры в этом море цифрового совершенства. Рядом с ним боль от чипа казалась чем-то внешним, наносным. словно комариный укус поверх экзоскелета.

— Кристина Линд, — вызвал аватар. — Ваше имя последнее в реестре. Мы ждем вашего вклада в дискуссию.

В горле пересохло. Миэра тут же вывела на линзу ее контактной линзы уведомление: *Уровень кортизола критический. Выпейте воды.* На краю стола появился стакан. Кристина взяла его. Вода тоже была идеальной — обогащенной электролитами и имеющей нейтральный pH.

Она поставила стакан. Посмотрела на аватара профессора — безликую серебристую фигуру в академической мантии. Посмотрела на Еву, чьи пальцы продолжали танцевать в воздухе. Посмотрела на Артура, готового конспектировать

ее слова с религиозным трепетом.

— Мой тезис, — голос прозвучал хрипло, и Кристина прочистила горло. — Мой тезис заключается в том, что система ошибается.

Аудитория погрузилась в вакуум. Исчезли звуки вентиляции. Замерли частицы пыли в луче солнца. Артур перестал дышать. Пальцы Евы застыли в сантиметре от очередного свайпа.

— Конкретизируйте понятие «ошибается», — спустя три секунды отозвался аватар. Его тон изменился. Ушла педагогическая снисходительность. Появился холодный алгоритм оценки угрозы. — Согласно определению Оксфордского словаря обновленной редакции, ошибка — это несоответствие результата заданному параметру. Параметр нашей системы — стабильность. Стабильность достигнута. Следовательно, ошибки нет.

— Стабильность трупа — это тоже отсутствие изменений, — ответила Кристина. Она сама удивлялась словам, выходящим из ее рта. Они звучали грубо, неправильно, ломая мелодику речи, которую годами ставили им логопеды. — Вы говорите о статистике, Ева. Ты права, смерть устранена. Но разве смысл жизни сводится к отсутствию смерти? Артур говорит о баге эволюции — привязанности к близким. Вы называете любовь багом. Вы вырезали его чипом. Что осталось взамен?

— Социальная функциональность, — отчеканил аватар.

— Кристина, ваше заявление граничит с нарушением статьи восьмой Кодекса Диалога. Опирируйте фактами.

— Хорошо, — Кристина глубоко вдохнула. Воздух показался ей горьким. — Факт первый. Индекс счастья нации растет на графике министерства. Но загляните в фармакологические отчеты корпораций. Продажа мелатонина выросла на триста процентов за год. Люди не могут спать без химии, потому что их сны пусты. Факт второй. Творчество. Где новые симфонии? Где картины? Искусственный интеллект пишет музыку лучше нас, быстрее нас, и мы приняли это, потому что перестали чувствовать потребность создавать. Мы потребляем гармоничные паттерны, лежа в своих стерильных коробках. Мы стали идеальным домашним скотом. Сытым, безопасным, предсказуемым.

Она говорила, и с каждым словом ожидание удара нарастало. Вот сейчас. Через секунду. Белый огонь разорвет затылок. Левая рука онемееет. Она рухнет на пол, пускай пену, и Ева просто нажмет кнопку вызова медиков, добавив в конце семестра в свой проект сноску: «Объект Линд показал нестабильность, приведшую к утилизации потенциала».

Но удара не было.

Шею лишь слегка покалывало. «Гармония 5.0» работала на пределе, генерируя пакеты контр-аргументов и вбрасывая в кровь эндорфины, призванные смягчить когнитивный диссонанс. Система пыталась убедить саму себя, что Кристина шутит. Что это часть экзаменационного спектакля.

— Вы описываете Золотой Век, Кристина, — голос аватара стал опасно тихим. — Устранение страданий всегда выглядит как потеря вкуса для тех, кто привык питаться пеплом трагедий прошлого. Вы романтизируете хаос.

— Я не романтизирую хаос, — Кристина наклонилась вперед, опираясь руками о стол. Ее лицо оказалось в фокусе камер наблюдения. — Я указываю на цену. Вы создали рай для машин, профессор. Для идеальных функций. Но человек — это не функция. Человек — это шрам. Это способность выбрать нелогичное. Способность отдать последний кусок хлеба тому, кого никогда не увидишь снова, просто потому что ему нужнее. Ваш чип делает это невозможным. Он наказывает за милосердие, если оно не приносит социального рейтинга. Вы заставили нас любить общество больше, чем самих себя, и назвали это вершиной морали. Но настоящая мораль начинается там, где заканчивается надзор.

Она замолчала. В ушах шумела кровь. Легкие горели. Она только что подписала себе приговор публично, под запись всех правительственных серверов.

— Минус двести баллов, — бесстрастно сообщил аватар. — За демагогию и апелляцию к дискредитированным философским концепциям «свободы воли». — Минус триста, — добавил он мгновением позже. — За подстрекательство к сомнению в эффективности нейрокоррекции. — Итоговая оценка за курс, — закончил аватар, — неудовлетворительно. Ваш диплом аннулируется. По окончании лекции служба

контроля сопровождает вас в Центр Переоценки.

Артур наконец выдохнул. На его лице отразился неподдельный, животный ужас пополам с облегчением — ведь беда случилась не с ним. Ева смотрела на Кристину с научным интересом, словно на редкую бактерию в чашке Петри, внешне проявившую свойства левитации.

Кристина усмехнулась. Уголки ее губ дрожали. — Переоценка? — переспросила она. — Вы хотите промыть мне память? Выжечь участки, которые задают неудобные вопросы? Давайте. Попробуйте.

Она сунула левую руку в карман. Пальцы нащупали холодный кварц. Она сжала его изо всех сил, намеренно позволяя острым граням впиться в кожу. Боль была острой, ясной, принадлежащей только ей.

— Я хочу посмотреть, как ваш хваленый процессор попытается переписать вот это, — громко сказала она, поднимая правую руку и медленно стягивая с левого запястья манжету жакета.

Под тканью, плотно прилегая к коже, находился не сертифицированный медицинский браслет мониторинга, который носили все студенты. Это была кустарная, собранная кем-то отчаянным или безумным сборка из старых деталей. Несколько тускло мерцающих диодов. Спаянные провода. Антенна, обмотанная вокруг предплечья.

— Что это, Линд? — прошептал Артур.

Кристина нажала большим пальцем на центральный узел

устройства.

Раздался звук. Очень тихий, на границе слышимости, похожий на треск статического электричества. Частота, которую человеческое ухо почти не воспринимает, но которую обожают старые, неоткалиброванные радиоприемники.

Воздух в аудитории загустел. Голопроектор профессора Вальтера пошел густой сеткой серых помех. Серебряная фигура исказилась, вытянулась в черный столб и растворилась.

Умные лампы под потолком мигнули и погасли. Включилось тусклое красное аварийное освещение.

Голо-планшеты на столах студентов погасли. Окна-дисплеи, транслирующие вид на город, отключились, явив настоящее толстое армированное стекло.

Кристина запрокинула голову и расхохоталась. Это был неприятный, ломающийся смех человека, долго сдерживавшего дыхание под водой.

— Ой, — сказала она, переводя дух. — Кажется, у вашей Матрицы отошел контакт.

Она расстегнула верхнюю пуговицу жакета. — Видите ли, профессор хотел узнать мою цену. Цена оказалась удивительно низкой. Один осколок настоящего камня, украденный у природы, и старый блокиратор частот, снятый с полицейского дрона-развалюхи десятилетней давности. Он создает мертвый купол диаметром в пятьдесят метров. Полная радионепрозрачность. Миэра сейчас мечется в моей голове, пытается вызвать помощь, но не может пробиться наружу.

Она кричит мне инсульты, аневризмы и разрыв селезенки, но связь обрезана.

Она вытащила руку из кармана. На ладони блестел кварц, испачканный свежей кровью. — А это, друзья мои, мой пропуск. Пропуск туда, где решения принимает не алгоритм.

Кристина встала из-за парты. Ноги плохо слушались, колени подгибались от отходняка адреналина. Она подошла к огромному окну.

Внизу, на площади перед Академией, началось движение. Обычное, размеренное течение городской жизни дало сбой. Общественные капсулы останавливались посреди магистралей. Дроны-курьеры сыпались с неба, как сухой осенний лист. Весь тот сектор, который накрывал ее самодельный блокиратор, превратился в остров первозданного, непредписанного хаоса.

Она прижала ладонь к стеклу. — Вы боялись преступности, — тихо сказала она, обращаясь к застывшим студентам, которые смотрели на нее как на призрака. — А создали тюрьму. Самый надежный охранник — это тот, кто убедил заключенного, что пытка за побег — это и есть высшее наслаждение.

Она повернулась к ним. Лицо горело. — Выход там, — Кристина махнула рукой в сторону дверей пожарной лестницы. Над ними горел зеленый знак, который обычно включался только во время учебных тревог. Сейчас он горел по-настоящему. — Первый час снаружи пугает. Потом понима-

ешь, что дышишь. Кто со мной?

В аудитории стояла мертвая тишина. Никто не двинулся с места. Артур мелко дрожал. Ева быстро-быстро моргала, пытаясь заново запустить свои внутренние вычисления, но вводных данных не хватало.

Кристина не стала ждать. Она не питала иллюзий. Чтобы сбросить цифровой ошейник, нужен не подвиг одиночки. Нужно желание, которое нельзя выжечь болью. А эти дети слишком любили свои теплые клетки.

Она подошла к дверям пожарного выхода. Толстый металл. Электронный замок. Кристина приложила к нему ладонь. Красный светодиод замка равнодушно горел, игнорируя ее уровень доступа.

Тогда она размахнулась и ударила по панели кулаком. Раз, другой. Костяшки пальцев занесли тупой болью. Третий удар пришелся точно в стык пластикового кожуха. Панель хрустнула, обнажая переплетение проводов.

Кварц в кармане, казалось, стал теплее.

Кристина запустила окровавленные пальцы внутрь, нащупывая клеммы питания замка. Короткое замыкание — дело секунды. Главное успеть отдернуть руку до того, как ток дойдет до сердца.

Она закусила губу, готовясь замкнуть цепь.

Именно в эту секунду дверь содрогнулась от тяжелого удара снаружи. Один. Второй. Третий. Кто-то бил в толстую сталь плечом. Методично. Профессионально.

Замок издал жалобный писк. Красная лампа сменилась зеленой. Дверь дрогнула и медленно, дюйм за дюймом, поехала в паз, открываясь сама по себе.

Кристина отшатнулась. Ее самодельный блокиратор не мог открыть механические засовы. Энергии не хватило бы.

Из-за двери, из бетонного горла лестничного пролета, тянуло сквозняком. Настоящим воздухом — смесью мокрого асфальта, озона и чего-то сладковатого, похожего на запах прелой листвы.

В проем шагнула фигура.

Это был мужчина. Лет пятидесяти на вид, хотя в эпоху косметической терапии возраст читался плохо. Он был одет в тяжелую штормовку из настоящей ткани, покрытую дорожной пылью. На поясе висели инструменты, каких Кристина никогда не видела вживую — отвертки с деревянными рукоятками, моток медной проволоки. Его лицо пересекал старый, давно побелевший шрам.

Он посмотрел на разбитую панель замка, затем на окровавленный кварц в ее руке. И усмехнулся. — Неплохо для первого раза, девочка, — сказал он хриплым, прокуренным голосом. — Но молоток сработал бы быстрее. И чище для твоих суставов. Меня зовут Кай. Центральный Узел пал десять минут назад. Нас ждали. Пойдем. Нам нужно успеть на поезд до Владивостока, пока спутники не перестроили орбиты.

Он протянул ей руку. Ладонь была жесткой, как наждак,

и теплой.

Кристина посмотрела на свою аудиторию. Будущую элиту мира. Они все еще сидели за партами, парализованные отсутствием команд от сервера.

Потом она посмотрела на мужчину. На открытую дверь. На настоящую пыль, танцующую в луче красного аварийного света.

Она вложила свою изрезанную, дрожащую руку в его ладонь. Камень в кармане больно впивался в бедро, напоминая о реальности происходящего.

— У меня есть ощущение, — сказала Кристина, делая первый шаг за порог стерильности, — что мой главный экзаме́н только начался.

Кай крепко сжал ее пальцы и потянул за собой, в темноту лестничного колодца, навстречу оглушительному реву ветра, которого жители сорокового этажа не слышали уже много лет.

Дверь пожарного выхода с глухим лязгом захлопнулась за их спинами, отрезая Академию Управления, профессора Вальтера и весь Великий Покой от двух беглецов и маленького кусочка грязного, прекрасного, непредсказуемого мира.

Глава 2. Сбой системы

Пыльный сумрак лестничного колодца пах озоном, старым бетоном и свободой. Этот запах въедался в легкие Кристины с каждым судорожным вдохом, вытесняя стерильную лаванду ее квартиры и синтетическую свежесть Академии. Она бежала по ступеням вслед за Каем, перепрыгивая через три-четыре пролета сразу. Мышцы, привыкшие к плавной работе на беговых дорожках «Элит-Фит», горели огнем. Легкие разрывались.

— Левый рукав! — рывкнул Кай, не оборачиваясь. Его тяжелые ботинки гремели по железу так уверенно, словно он родился на этой лестнице сорок лет назад.

Кристина опустила взгляд. На левом предплечье все еще тускло мерцал самодельный блокиратор частот. Зеленый диод пульсировал медленно, тяжело, как сердце уставшего зверя. Устройство высасывало заряд из крошечной микро-батареи дрона с катастрофической скоростью.

— Выключи его, — бросил Кай, останавливаясь на площадке между этажами. — Мы уже ниже радиуса твоего купола. Если оставишь включенным, спалишь себе нервы до основания. Короткое замыкание прямо в мозжечок. Звучит весело?

Кристина трясущимися пальцами нащарила центральный узел. Нажать было страшно. Одно дело — отключить систе-

му наблюдения в классе, став невидимой для алгоритмов. Другое — добровольно снять щит, снова подставляя свой чип под прицел спутникового контроля.

Она зажмурилась и вдавила кнопку.

Тихий треск исчез. Диод моргнул в последний раз и погас. Вместе с ним ушла странная легкость в голове. Виски тут же сдавило привычной, холодной тяжестью. Миэра вернулась. *«Кристина Линд. Уровень тревоги критический. Обнаружено несанкционированное перемещение вне зон мониторинга. Зафиксировано падение с высоты сорока этажей без фатальных повреждений. Вероятность повреждения опорно-двигательного аппарата девяносто четыре процента. Почему вы молчите? Отвечайте немедленно».*

Голос ассистента больше не звучал внутри черепа мягко и бархатисто. Теперь это был скрежет металла о стекло. Программа пыталась обработать невозможное: объект находился там, где его физически быть не могло согласно всем законам геометрии здания и протоколам безопасности.

— Она зовет тебя, — хмыкнул Кай, прислоняясь плечом к ржавым перилам. — Плачет цифровыми слезами. Хочешь вернуться? Три этажа вверх, поворот направо. Тебя встретят очень вежливые люди в белых халатах. Они дадут тебе таблетку, от которой вчерашний день покажется просто плохим сном. Ты снова станешь идеальной Кристиной. Будешь сдавать пересдачу вечно.

— Где мы? — прохрипела она, игнорируя мигающий

красный значок входящего вызова на линзе контактной линзы. — Что такое Центральный Узел?

— Был сердцем этого города, — Кай достал из кармана штормовки помятую металлическую флягу, открутил крышку и протянул ей. Внутри плескалась вода. Настоящая, с пузырьками воздуха на стенках, пахнувшая хлоркой и металлом. — А теперь это просто гора мертвого кремния под площадью Согласия. Кто-то снаружи дал нам фору. Большой сбой. Глобальный. Спутники ослепли минут на десять. Все дроны-надзиратели рухнули в океан. Ваша хваленая «Гармония» осталась без глаз. Но глаза скоро пришьют обратно. У нас есть около часа, прежде чем резервные серверы в Новосибирске синхронизируются и поймут, что мышка покинула клетку.

Кристина взяла флягу. Руки дрожали так сильно, что зубы застучали о металл. Она сделала глоток. Вода оказалась самой вкусной вещью, которую она пробовала в жизни.

— Я думала... я думала, ты один из них, — выдохнула она, возвращая флягу. — Из Службы Контроля. Тест на лояльность. Психологическая ловушка перед депрограммированием.

— Депрограммирование делают лоботомией через уши, а не выпускают дверь пожарной лестницы, — Кай оттолкнулся от перил. — Ноги переставляй быстрее. Через два пролета технический этаж. Там канализационный коллектор старого типа. Широкий. По нему выйдем в Нижний город.

— Нижний город? — Кристина невольно попятилась. — Но ведь туда нет доступа. Это сектор трущоб. Индекс благонадежности падает до отрицательных значений...

— Именно поэтому там безопасно, — отрезал Кай. — Система не видит того, чего официально не существует. Пошли. И сними эту тряпку. — Он кивнул на ее белый академический жакет. — Ты светишься в темноте ярче ядерного реактора.

Они спустились на минус двадцатый уровень. Здесь царила вечная промозглая сырость. Стены сочились влагой, собирающейся в черные лужи, над которыми поднимался легкий пар. Воздух вибрировал от низкого гула насосов. Кристина никогда не спускалась ниже парковки своего жилого комплекса. Для студентов «Небесного сада» нижний фундамент зданий был такой же абстракцией, как дно Марианской впадины.

Кай подошел к неприметной стальной двери с надписью «Служебный вход. Опасно для жизни». Замок здесь был древним, механическим. Мужчина вынул из кармана моток проволоки, согнул ее хитрым узлом, вставил в скважину, пару раз повернул. Раздался сухой щелчок.

Дверь открылась в крошечную тьму и смрад. Запах гниющих отходов, застарелой мочи и жареного дешевого протеина ударил в нос, заставив Кристину отшатнуться. Желудок свело спазмом.

— Добро пожаловать в реальность, принцесса, — Кай подтолкнул ее в спину. — Закрой рот, сглотни слюну три раза глубоко. Против тошноты помогает. Проверено поколениями тех, кто живет у слива.

За дверью оказался бетонный желоб шириной метра в три. По дну лениво текла бурая масса сточных вод. Под потолком, переплетаясь, висели кабели толщиной с человеческую руку — магистральные артерии городской электросети. Свет давали лишь редкие красные лампы аварийного питания, мигавшие каждые двадцать секунд.

Кай двинулся вперед, подсвечивая путь старым химическим фонариком, который давал болезненно-желтый луч. — Иди строго за мной. Шаг вправо, шаг влево — наступишь на то, что осталось от предыдущего нарушителя протокола. Тут любят селиться крысы-мутанты размером с собаку. Шу-чу. Собаки давно съедены. Крысы остались.

Они шли молча минут пятнадцать. Кристина старалась не смотреть под ноги, где в слизи поблескивали осколки пластика и нечто, напоминающее старые медицинские шприцы. Ее идеально настроенный метаболизм бунтовал против атмосферы. Система внутренней очистки организма требовала активировать фильтры носа, но эволюция не предусматривала фильтров для запаха отчаяния.

Наконец, Кай свернул в боковой тоннель, более сухой и узкий. Здесь вдоль стен тянулись трубы отопления. Тепло было благословением после подземного холода.

— Привал, — сказал он, опускаясь на корточки возле вентиляционной решетки, из которой шел горячий воздух. — Десять минут. Переход долгий.

Он снял со спины выдавший виды рюкзак, расстегнул клапан. Внутри лежали не пайки из белкового изолята, а хлеб. Настоящий, черствый, ноздреватый кирпич серого хлеба. И кусок чего-то темного, завернутый в вощеную бумагу. — Ешь, — он отломил горбушку и кинул Кристине. — Пока твой желудок не переварил сам себя от стресса.

Хлеб был твердым, кисловатым, с примесью отрубей. Кристина впилась в него зубами. После стерильной клетчатки их школьных завтраков этот вкус казался откровением.

— Кто ты? — спросила она, жадно жуя. — Как ты прошел сквозь мой блокиратор? Моя сборка должна была отсечь любой сигнал, включая биометрические сканеры.

Кай усмехнулся, доставая из бумаги кусок вяленого мяса. Оно выглядело подозрительно волокнистым. — Потому что моя куртка сшита из экранирующей ткани пятого поколения. Старая военная разработка. Поглощает импульсы. А внутрь подкладки вшит свинцовый сердечник. Ваши радары видят меня как пустое место или как кучу мусора. Удобно.

Он впился зубами в мясо. Послышалось громкое чавканье. — Меня зовут Кай. Двадцать лет назад я работал архитектором нейросетей в корпорации «Новый Рассвет». Писал те самые патчи комфорта, которые сейчас выжигают тебе мозг, если ты хочешь пнуть камень на дороге. Потом понял,

что строю идеальную тюрьму. Попытался слить исходники Хартии Единства в сеть. Не успел. Поймали. Провели показательную Оптимизацию. Стерли половину личности, выгнали сюда, вниз.

— Оптимизация... — прошептала Кристина. Слово, которое использовали только шепотом, означающее гражданскую смерть.

— Ага, — кивнул Кай, вытирая жирные пальцы о штаны. — Милосердная замена воспоминаний. Вместо меня теперь должен был ходить улыбочивый идиот, поливающий фикус. Только вот они забыли одну деталь. Боль оставляет след не только в химии мозга, но и в структуре костей. В том, как человек держит плечи. Оптимизированные всегда двигаются чуть неуверенно, как марионетки с перебитыми нитями. Я узнал себя в зеркале. И начал строить свою сеть. Нас много, Крис. Очень много. Просто вы наверху слишком громко слушаете Баха, чтобы услышать, как мы скребемся под полом.

Внезапно рука Кая метнулась к ее лицу и жестко зажала рот. Ладонь пахла порохом и грязью.

Мигавший красный свет аварийных ламп сменился на пронзительно-белый. Раздался оглушительный вой сирены. Не тот мелодичный перелив, которым сопровождали учебные тревоги в Академии, а рвущий барабанные перепонки механический рев.

«Внимание. Нарушение периметра сектора В-20. Активирован протокол изоляции „Железный занавес“. Всем граж-

данам предписано оставаться на местах. Сопротивление классифицируется как акт терроризма первой степени. Применяется парализующий газ».

Голос шел отовсюду — из трещин в бетоне, из самих труб, резонируя в грудной клетке.

Кай отпустил лицо Кристины и резко дернул ее на себя, прижимая к горячей трубе. — Не дыши, когда пойдет пена, — процедил он ей в ухо. — Задержи дыхание максимально. Газ липкий, впитывается через кожу за секунды. Вырубит быстрее, чем чип успеет сказать «привет».

Белый свет стал невыносимо ярким. В дальнем конце тоннеля, откуда они пришли, замелькали вспышки. Звук тяжелых шагов. Это были не полицейские прошлого века. Это были «Гарпии» — автономные платформы подавления. Шестиногие хромированные машины высотой в полтора метра, вооруженные распылителями и сетеметами.

Одна из «Гарпий» выскочила из-за поворота. Ее фасеточные оптические сенсоры вспыхнули ультрафиолетом, сканируя пространство. Луч света скользнул по стене в сантиметре от лица Кристины. Девушка вжалась в трубу, чувствуя, как нагревается кожа.

Система распознавания лиц. Сейчас паукообразная машина посмотрит на нее, сравнит данные с базой Министерства Благополучия, увидит статус «Аннулированный студент-террорист» и выпустит иглу с транквилизатором.

Кай медленно, миллиметр за миллиметром, потянул из-за

голениища сапога длинный металлический стержень. На конце стержня искрила катушка Теслы кустарной сборки.

— На счет три прыгай в левый проход, — одними губами произнес он. — Там дренаж. Глубоко. Падай солдатиком.

Кристина кивнула, не сводя глаз с «Гарпии». Платформа остановилась. Сенсоры сфокусировались на их тепловом следе. Время растянулось в густой, кисельный сироп.

Кай поднял шокер.

И вдруг «Гарпия» дернулась. Ее правая передняя лапа конвульсивно ударила в стену, выбив сноп искр. Голова-прицел задергалась, фокус расплылся. Механизм издал звук, похожий на икание, и завертелся на месте, врезаясь в трубу канализации. Из разбитых соединений ударил фонтан бурой воды.

Вторая «Гарпия», идущая следом, налетела на первую. Произошел короткий хлопок, посыпались синие искры. Обе машины замерли, беспомощно шевеля конечностями.

Кай схватил Кристину за плечо. — Живо!

Они бросились мимо заискривших роботов в боковой коридор. Позади раздался новый голос. Человеческий. Сухой, властный, лишенный синтезированной сладости официальных объявлений: — Игнорируйте платформ. Биосканеры. Мне нужен живой экземпляр. Девушку брать целой. Мужчину можно фрагментировать.

Это был голос куратора кампуса. Или кого-то гораздо выше. Голос настоящего хозяина цифрового мира.

Они бежали, пока легкие не начали гореть кислотой. Сирена стихла позади, перейдя в глухой утробный гул. Белый свет сменился привычным красным мраком.

Кай затолкал Кристину в нишу между двумя огромными бойлерными котлами. Здесь было тесно, темно и относительно тихо.

— Что это было? — выдохнула Кристина, сползая по стене. Ноги отказывались держать. — Почему они отключились?

— Электромагнитный импульс, — Кай перезаряжал свой кустарный шокер, нервно поглядывая в сторону тоннеля. — Кто-то большой снаружи давит на их частоты. Отвлекающий маневр. Дает нам окно. Но оно закрывается. Тот, кто говорил... это Департамент Внутренней Чистоты. Их кураторы не используют аватары. Они ходят ногами. И они знают мое имя.

Он посмотрел на Кристину. В красном свете его лицо казалось вырубленным из камня. — Ты понимаешь, во что влезла? Блокиратор, взлом аудитории, побег... Это не штрафные баллы. Это расстрельная статья. Даже внизу, среди отбросов, за твою голову дадут мешок чистой воды и дозу синтетического морфина. Ты несешь в крови маяк. Твой чип постоянно пытается выйти на связь. Каждый раз, когда ты глотаешь, процессор отправляет пакет данных о составе слюны.

— Я знаю, — тихо сказала Кристина. — Я чувствую, как он фонит. Как зудит зуб, который хочется вырвать.

— Тогда зачем пошла? — спросил он прямо. — Могла бы упасть в обморок. Тебя бы подобрали медики академии, ввели успокоительное, списали на гормональный сбой. Проснулась бы дома, забыв про пожарную лестницу. Зачем побежала за бродягой в дерьмо по колено?

Кристина закрыла глаза. Перед внутренним взором снова встала аудитория 404. Белые стены. Лицо Артура. Осколок кварца в кармане. — Потому что больно, — ответила она. — Когда стоишь на краю и смотришь вниз, больше всего сделать шаг назад. В безопасность.

Кай долго смотрел на нее, потом коротко кивнул. — Годится. Первый закон выживания: лучше сдохнуть стоя, чем жить на коленях. Вставай. До коллектора еще километр.

Выход в Нижний город выглядел прозаично: ржавый люк в полу, прикрытый слоем старой ветоши. Кай сдвинул его ломом. Вниз пахло гарью, жареным луком, перегаром и мокрой шерстью.

— Нижний Новгородский узел, — прокомментировал Кай, заглядывая в проем. — Район Старых Фабрик. Самый криминальный район самого безопасного города в мире. Парадокс.

Люк вел в огромный ангар. Когда-то здесь стояли конвейеры, собиравшие первые бытовые дроны. Теперь потолок

просел, обнажив перекрученную арматуру, а пол был заставлен коробками, самодельными печками-буржуйками и гамаками, натянутыми между колоннами.

Здесь жили люди. Десятки людей. Дети с лицами стариков, женщины, закутанные в синтетические одеяла, мужчины с отсутствующими пальцами и глазами, в которых навсегда застыл холодный расчет. Никто из них не носил коммуникаторов. Некоторые лица носили следы грубых хирургических вмешательств — попытки вырезать нейрочипы кухонными ножами. Большинство таких попыток заканчивалось овощным состоянием, но эти тени продолжали двигаться, питаясь обедками верхнего мира.

На вошедших никто не обратил внимания. Появление Кая было делом привычным. Но появление девушки в белом академическом жакете, пусть и испачканном сажей, вызвало волну тихого шевеления. Взгляды скользили по ее чистым волосам, по ровной коже, по тому, как она инстинктивно пыталась выпрямить спину, сохраняя остатки элитной осанки. Она была инопланетянкой. Признаком другой вселенной, протекающей прямо над их головами.

— Тихо, — рыкнул Кай, заметив нарастающую агрессию толпы. — Она со мной. Работаем.

Он повел ее вглубь ангара, в отгороженный пластиковыми листами угол. Там стоял стол, заваленный микросхемами, проводами и старыми планшетами. В центре стола возвышался массивный медицинский терминал устаревшей мо-

дели — такие использовались в сельских клиниках до полной цифровизации медицины.

— Садись, — Кай указал на вращающееся кресло. — Нужно посмотреть, что они успели залить в твою голову, пока ты гуляла. Каждая секунда связи с Центром увеличивает шанс, что нас накроют орбитальным ударом.

Кристина села. Кресло оказалось жестким и холодным. — Ты врач?

— Я инженер боли, — ответил Кай, надевая на запястья Кристины широкие кожаные браслеты-фиксаторы. — Страховка. Начнешь дергаться, когда полезу в разъем, — останешься без руки. Нейросети хрупкая вещь. Одно короткое замыкание в стволе мозга, и ты превратишься в растение, пускающее слюни на экологичные законы.

Он закрепил ее руки. Затем надел ей на виски влажные металлические диски датчиков. Провода от них тянулись к большому монитору, покрытому толстым слоем пыли. — Будет щекотно. И немного похоже на то, как если бы в ухо залили раскаленное олово. Терпи.

Кай защелкал тумблерами древнего терминала. Агрегат загудел, прогревая вакуумные лампы. На экране поползла вязь зеленых линий.

— Так-так... — пробормотал инженер, всматриваясь в график. — «Гармония 5.0». Свежая. Установлена неделю назад. Базовая прошивка стандартная... контроль эмпатии, блокировка агрессии, модуляция либидо... Ничего необыч-

ного. А это что?

Его палец остановился на одной из синусоид, которая вела себя хаотично, выпадая из общего ритма работы процессора.

— Это отдел страха, — пояснил Кай, увеличивая участок графика. — Миндалевидное тело. Смотри внимательно. Видишь эти пики? Вот здесь, когда ты стояла перед дверью в Академию. Амплитуда зашкаливает. А система пишет лог: «Состояние покоя, индекс счастья семьдесят пять».

— Она лжет? — спросила Кристина.

— Нет. Она говорит правду... своей реальности, — Кай увеличил масштаб еще сильнее. — Процессор берет данные от рецепторов тела. Адреналин, расширенные зрачки, тахикардия. Факты говорят: «Мне страшно до смерти». Но ядро программы имеет приоритет исполнения. Ядро говорит: «Объект находится в безопасной среде, выполняет социальный долг». И процессор делает самое страшное, что может делать машина с человеческой психикой. Он не подавляет страх. Он изолирует его.

Кай постучал ногтем по стеклу монитора. — Представь стакан с мутной водой. Это твои эмоции. Программа опускает в стакан стеклянную перегородку. Муть остается, но ты ее больше не видишь и не чувствуешь на языке. Она копится за стеклом. Твое сознание пьет чистую воду ложного благополучия. Но объем стакана ограничен. Рано или поздно перегородки лопнут. Или стакан треснет. То, что случилось сегодня утром в твоей квартире... твоя попытка открыть решет-

ку... это была первая трещина. Давление за стеклом превысило прочность оболочки.

Он переключил режим. Картинка на мониторе изменилась. Теперь это была трехмерная модель ее черепа, внутри которой пульсировала сложная паутина светящихся нитей. Красные нити обозначали зоны активного подавления. Почти весь мозг был оплетен ими, как коконом.

— Знаешь, почему ты смогла говорить те вещи в классе? — Кай перевел взгляд с экрана на ее лицо. — Почему чип не сжег тебя болевым разрядом, когда ты назвала общество тюрьмой?

Кристина посмотрела на свои колени. — Блокиратор?

— Частично, — кивнул Кай. — Но блокиратор режет входящие сигналы. А программа наказания — она внутренняя. Она сидит прямо здесь. — Он коснулся ее левого виска, там, где под кожей скрывался титан. — Чтобы наказать тебя болью, системе нужно сначала признать факт нарушения. А факта не было.

Кристина непонимающе нахмурилась. — Я же нарушила Кодекс.

— Нет, — Кай криво усмехнулся. — Ты читала стихи. С точки зрения архитектуры «Гармонии», твоя речь — это не призыв к мятежу. Это литературный анализ. Эстетическая деконструкция социума. Ты использовала правильные слова, правильный синтаксис, правильную риторику вопроса. Процессор зафиксировал «высокую когнитивную активность в

рамках гуманитарного дискурса». Искусственный интеллект восхитился твоим умом, Крис. Машина оценила красоту аргумента. Она решила, что ты просто очень глубоко задумалась о несовершенстве бытия, как положено отличнице. Ты обошла алгоритм его же оружием — безупречной логикой.

Он помолчал, барабанил пальцами по столу. — Но теперь игра окончена. Как только спутники вернутся в зону видимости, они увидят пустой стул в аудитории. Они проверят записи внутренних камер колледжа, которые писали в обход моего поля благодаря резервному каналу Департамента. Они увидят, как ты называешь Великий Покой тюрьмой. Логика перестанет иметь значение. Перейдет в силу директива «Угроза Первого уровня». И тогда эта красная паутина внутри тебя сожмется.

Кай взял со стола тонкий инъектор. — Поэтому мы должны вытащить это железо. Прямо сейчас.

Кристина посмотрела на шприц. Потом на провода, связывающие ее голову с пыльным монитором. — Вырезать? — голос прозвучал сипло. — Без анестезии? В этом сарае?

— Анестезия притупит рефлексy, мне нужно, чтобы ты кричала, если задело лишнее — крик спасет тебе жизнь, — спокойно сказал Кай, взводя поршень. — Я введу тебе состав местного действия в кожу головы, чтобы скальп не чувствовать. А сам процессор... он не имеет нервных окончаний. Это просто камень в кости. Будем надеяться, что установщики из клиники не переборщили с клеем.

Он наклонился ближе, направив острую иглу к ее левому виску. — Последний шанс передумать. Я могу оставить все как есть. Выведу тебя на поверхность через грузовой лифт для пищевых отходов. Тебя найдут через час. Извинишься. Скажешь, что тебя похитили. Тебе поверят. Твой индекс благонадежности упадет до нуля, тебя сошлют выращивать водоросли в Тихом океане. Тихая, скучная жизнь. Никакой боли. Никаких мыслей.

Кристина смотрела в его глаза. В них отражались красные аварийные лампы ангара. — Если ты тронешь мою голову этой штукой, пути назад не будет, — сказала она.

— Пути назад не было в ту секунду, когда ты нажала кнопку на своем браслете в Академии, — ответил Кай. — Решай. Время идет. Спутники...

Где-то далеко наверху, сквозь толщу бетона и километры городских коммуникаций, донесся едва слышный, но отчетливый звук. Низкий, вибрирующий гул. Звук сотен сервоприводов, одновременно разворачивающихся в боевое положение.

— Они здесь, — выдохнул Кай. — Департамент. Быстро работают.

Игла замерла в миллиметре от кожи Кристины.

— Режь, — приказала она, сжимая подлокотники кресла так, что побелели костяшки.

Кай не стал тратить время на вздохи. Он прижал инъектор и ввел ледяную жидкость. Череп онемел почти мгновенно.

— Держись, девочка. Сейчас будем убивать твоего лучшего друга.

Он отложил шприц. Взял со стола ручной инструмент, похожий на миниатюрную болгарку с алмазным диском. Аппарат взвыл, набирая обороты.

— Закрой глаза, — посоветовал Кай. — И думай о свежем хлебе. Говорят, помогает.

Диск коснулся ее кожи чуть выше уха. Запахло палеными волосами и горячим пластиком.

Боль пришла не оттуда.

Операция длилась, наверное, минут десять. Кристина действительно потеряла чувствительность в левой части головы, превратившись в стороннего наблюдателя собственных мучений. Она видела, как Кай работает — сосредоточенно, быстро, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Слышала визг пилы, хруст костной пыли, шипение коагулятора, заваривающего сосуды. Инженер оказался мастером. Он извлек капсулу нейрочипа целиком, не повредив прилегающие доли мозга.

Маленький, почерневший от температуры комочек металла лег на блюдце рядом с ее рукой. Причиняющий страдания паразит, извлеченный из плоти.

Кай наложил на рану полоску хирургического клея, швырнул инструменты в ящик и захлопнул его. — Готово. Кровообращение в норме. Утечка ликвора отсутствует. Мо-

жешь считать себя свободной женщиной.

Он помог ей встать. Ноги держали плохо. Мир слегка покачивался. Онемение начало проходить, сменяясь тупым, тяжелым звоном в левом виске.

— Что я теперь чувствую? — спросила Кристина, трогая повязку.

— Всё, — серьезно ответил Кай. — Абсолютно всё. Впервые за долгие годы. Поздравляю с днем рождения.

Он подошел к пластиковому занавесу, отделявшему их закуток от основного зала ангара, и осторожно выглянул наружу. — Выход закрыт. Департамент выставил оцепление вокруг района. Те ребята шутить не любят. Используют тактику выдавливания. Будут гнать толпу газом в зону поражения, пока мы сами к ним не выбежим.

— Значит, конец? — равнодушно спросила Кристина. Странно, но паники не было. После пережитой трепанации страх казался чем-то мелким, незначительным.

— Конец — это для тех, кто стоит на месте, — Кай вернулся к столу, пряча извлеченный чип в нагрудный карман. — Нам нужна легенда. Камуфляж.

Он окинул взглядом ее фигуру. Белый жакет, серая юбка. — Ты похожа на рекламный проспект еды. Тебя расстреляют просто за оскорбление эстетики Нижнего города. Раздевайся.

Кристина моргнула. — Что?

— Одежду снимай, — терпеливо повторил Кай. — Твои

тряпки пропитаны датчиками движения и микрофонами. Даже нить в шве передает координаты. Оставишь здесь.

Спорить не было времени. Гул сервоприводов наверху становился громче, к нему добавился скрежет тяжелого металла по бетону — Департаменты начали вскрывать верхние уровни фундамента.

Кристина сбросила жакет. За ним последовала юбка, блузка, белье. Стоять обнаженной перед этим покрытым шрамами мужчиной в тусклом свете буржуйки было странно буднично. Стыд остался где-то там, на сороковом этаже, вместе с запахом лаванды.

Кай швырнул ей бесформенный балахон из грубой мешковины, пахнувший дымом и чужим потом. — Штаны. Размер не твой, подвяжешь ремнем. Сапоги.

Старая кирза оказалась на три размера больше. Кристина обмотала ноги какими-то тряпками, чтобы не потерять обувь при ходьбе.

Когда она оделась, Кай придиричиво осмотрел ее. Достал из банки какую-то жирную черную мазь и принялся растирать ей по лицу, шее и рукам. — Сажа. Машинное масло. Самый дорогой парфюм нижнего мира. Скрывает естественный запах чистоты. Биосканеры ищут здоровый эпителий. Станешь выглядеть достаточно больной, чтобы тобой побрезговали.

Закончив, он отступил на шаг. — Идеально. Теперь ты выглядишь как шлюха с верхних уровней, которую избили и

выбросили клиенты. Жалостливо и совершенно неинтересно для государственной чистки.

Внезапно пластиковые листы, служившие стеной, содрогнулись от мощного удара снаружи. Ангар наполнился криками разбегающихся теней.

— Нашли вход, — констатировал Кай. — Через крышу. Быстрее. За мной.

Он схватил ее за руку и потащил в противоположную сторону ангара, туда, где в бетонной стене зияла дыра, заложенная старыми автомобильными покрышками.

Они протиснулись в лаз. За ним начинался лабиринт из ржавых труб и обломков заводских конструкций. Пол уходил круто вниз.

Позади, в ангаре, раздался спокойный, усиленный мегафоном голос: — Граждане Нижних территорий. Проводится санитарная обработка. Согласно статье двенадцать Хартии, укрывательство преступников первого класса карается немедленной утилизацией. Сложите оружие и выходите с поднятыми руками. Блокада вашего сектора продлится сорок восемь часов. Запасы кислорода на нуле.

Кай втолкнул Кристину в узкую щель между двумя горячими трубами теплоснабжения. — Ползем. Молча. Если услышишь голоса совсем рядом — задержи дыхание. Они пустили боевых насекомых-дронов. Маленькие блестящие мухи. Не дави их, они взрываются.

Они ползли в тесноте, пропахшей машинным маслом и

конденсатом. Трубы обжигали даже сквозь мешковину. Пот заливал глаза. Кристина двигалась на автомате, цепляясь пальцами за шершавый металл.

Впереди показался просвет. Выход в вертикальную шахту старой вентиляции.

Кай первым выбрался на край, повиснув на руках. Высота до следующего яруса — метров шесть. — Прыгай, — приказал он снизу. — Я поймаю.

— Я разобьюсь, — выдохнула Кристина.

— Лучше сломанная нога, чем работающая мясорубка Департамента, — отрезал Кай. — Прыгай!

Она посмотрела вниз. Темнота. Неизвестность. Отсутствие сетки безопасности. Чип больше не мог дать ей обезболивающее спокойствие. Ей предстояло почувствовать каждое мгновение падения собственным, заново родившимся телом.

Кристина закрыла глаза. Вспомнила идеальный профиль Евы, неподвижно сидящей в аудитории. Вспомнила кровь на своих пальцах и вкус настоящего хлеба.

Она шагнула в пустоту.

Воздух ударил в грудь, вышибая дух. Ветхий балахон затрепетал, пытаясь стать парашютом и лишь замедля падение на долю секунды. Земля ринулась навстречу.

Удар.

Что-то хрустнуло в правой стопе. Огненная вспышка боли прострелила ногу от пальцев до бедра. Мир сузился до одной

этой точки абсолютного, чистого страдания. Она не упала в обморок. Она не отключилась. Она впервые в жизни поняла, что значит *чувствовать*.

Ее падение закончилось не на бетоне. Крепкие руки Кая поймали ее за талию, принимая основной вес на себя, но инерция бросила обоих на камни.

Они скатились на дно какого-то технического бассейна, полного застоявшейся воды.

Кай выругался, хватая ртом воздух. Кристина скорчилась на боку, прижимая к груди вывихнутую, стремительно опускающую ногу. Боль была настолько яркой, что заслоняла собой звуки погони, гул вертолетов над головой и собственное дыхание.

— Тихо, — Кай зажал ей рот ладонью, нависая сверху. — Не ори.

Прямо над краем бассейна, в паре метров от их голов, пролетел сферический дрон Департамента. Его синий сканирующий луч скользнул по воде, мазнул по спине Кая и пошел дальше.

Аппарат улетел. Звук винтов начал удаляться.

Кай убрал руку. — Добро пожаловать на дно, — прошептал он, глядя на бледное, перепачканное сажей лицо Кристины, искаженное гримасой настоящей, ничем не приглушенной физической муки. — Население Земли. Рад знакомству.

Глава 3. Тот, кто ВИДИТ СКВОЗЬ СТЕНЫ

Боль в правой лодыжке стала постоянным фоном ее новой жизни. Это была не та стерильная фантомная боль, которую «Гармония» когда-то генерировала для коррекции поведения. Это было тупое, пульсирующее биение живого мяса, разорванного связки и треснувшей кости. Первые три дня Кристина провела в лихорадочном бреде на вонючем матрасе из переработанной целлюлозы в подвале Кая. Старик оказался на удивление компетентным костоправом — он вправил вывих и наложил шину из обрезков пластика и армированного скотча, но антибиотиков у него не было. Организм Кристины, привыкший к идеальной микрофлоре верхних уровней, отреагировал на грязь Нижнего города воспалением.

Она выживала на отваре из каких-то горьких грибов, которые Кай собирал в сырых коллекторах, и на крошках того самого черствого хлеба.

На четвертый день жар спал. Она открыла глаза и впервые за долгое время почувствовала себя цельной. Чип больше не зудел под кожей. В голове стояла оглушительная, звенящая тишина. Мысли текли медленно, вязко, они принадлежали только ей. Никто больше не подсовывал справочные данные

прямо в зрительный нерв при упоминании дат или имен. Ей приходилось вспоминать. Или спрашивать. Или просто не знать. Последнее оказалось самым пугающим и одновременно восхитительным ощущением.

— Очнулась? — Кай сидел на перевернутом ящике в углу, чистя свой самодельный шокер пучком проволоки. — Жрать будешь?

Кристина попыталась сесть. Тело отозвалось протестом каждой мышцы. — Где мы?

— Нижний ярус Седьмого транспортного кольца, — ответил он, не поднимая глаз от работы. — Старый паркинг. Здесь сухо. Департамент сюда не суется, тут фонит радиация от старых аккумуляторов маглевов. Полезно для здоровья, если хочешь сдохнуть от рака через десять лет, зато сегодня тебя не заберут на Оптимизацию. Как нога?

— Пульсирует, — честно призналась она. Раньше она бы сказала «терпимо», чтобы не обременять собеседника жалобами. Теперь правда казалась единственным доступным строительным материалом для реальности.

— Значит, заживает, — кивнул Кай. — Ходить сможешь недели через две. Если повезет. А теперь слушай внимательно, девочка. Я вывел тебя из-под удара, потому что ты умеешь думать. Редкий товар внизу. Но мой склад запчастей не резиновый. Либо ты начинаешь приносить пользу, либо выходишь за дверь и идешь сдаваться тем парням с сетеметами. Выбор за тобой.

Две недели превратились в месяц. Кристина училась ходить заново. Не той балетной походкой выпускницы Академии, где каждый шаг был рассчитан на оптимальное распределение веса согласно протоколу грации. Она училась хромать. Училась переносить вес на пятку, чтобы разгрузить разбитые пальцы. Училась шаркать подошвами по бетону, сливаясь с серой массой обитателей фундамента.

Кай сделал ей трость из полой стальной трубы. — Опирайся на нее, когда говоришь с людьми, — инструктировал он. — Слабость вызывает жалость. Жалость притупляет бдительность. На дне никто не уважает силу, Крис. Силу здесь излучают дроны-уборщики. Уважают хитрость и гнильцу.

Он назвал это «курсом молодого падальщика». Они выходили в Верхний город по ночам, используя старые технические лифты для обслуживания мусоропроводов. Кай научил ее подделывать запах пота дешевым синтетическим концентратом, носить бесформенные балахоны «Уровня-Д» и смотреть в пол. — Никогда не смотри камерам в линзы, — говорил он. — Но и не прячь взгляд слишком старательно. Прячет тот, кому есть что скрывать. Идеальный гражданин смотрит в пол с легким налетом скуки.

Город изменился. Без фильтра чипа мир стал невыносимо громким, ярким и пахучим. Рекламные голограммы больше не были просто красивым светом — они агрессивно вторгались в личное пространство, сканируя радужку и предлагая

товары в кредит. Воздух на сороковых этажах пах озоном и деньгами. Здесь, на уровне земли, он пах пережаренным белковым суррогатом, мокрой псиной и выхлопом дизельных генераторов, которых официально не существовало уже двадцать лет.

Однажды ночью, когда они возвращались после удачной кражи картриджей для пищевых синтезаторов (Кай называл это «налогом на воздух»), Кристина остановилась перед витриной закрытого на ночь магазина электроники. За бронированным стеклом стоял нейроинтерфейс последней модели. Гладкий обруч из белого фарфора.

— Скучаешь по своему железному другу? — усмехнулся Кай, дыша ей в затылок перегаром и табаком.

— Нет, — ответила Кристина. — Я скучаю по способности мгновенно умножать десятизначные числа. И по тому, чтобы не чувствовать холода. Мои руки сейчас синие, а я узнаю об этом только потому, что мне больно.

— Добро пожаловать в эволюцию, — Кай хлопнул ее по плечу. — Пойдем. Холод лечит воспаление.

Именно в этот момент, стоя посреди грязной улицы нижнего сегмента Второго Кольца, глядя на свое отражение в грязном стекле — бледное лицо, впалые щеки, синяки под глазами, спутанные волосы, выбившиеся из-под капюшона — она поняла самое главное. Та девушка, Кристина Линд, студентка элитной академии, умерла. Ее похоронили в бетонной могиле старого паркинга вместе с титановым оскол-

ком процессора. Этой новой, хромающей и вечно голодной женщине нужно было имя.

— Как меня зовут? — спросила она Кая внезапно.

Тот остановился, обернувшись. Его старый шрам в тусклом свете уличных фонарей казался нарисованным сажей. — Что? — Имя. Для документов уровня «Д». Мне нужно имя, которое не вызовет подозрений у патруля.

Кай задумчиво поскреб щетину. Взгляд его упал на мигающую красную вывеску дешевой аптеки напротив. «Синтез-Жизнь». — Называйся Реной, — решил он. — Звучит достаточно жалко, чтобы вызвать желание подать милостыню, и достаточно коротко, чтобы запомнить с похмелья. Держи. — Он сунул ей в руку пластиковую карту социального гражданина-банкрота. — Поднимешься завтра на Третье кольцо, там терминал регистрации слепых зон. Проплатишь себе легализацию. Станешь официальной пылью этого города.

Прошел еще один месяц. Рена освоилась. Нога все еще болела, особенно на погоду, которая в Нижнем городе определялась протечками канализации, но она научилась распределять боль. Боль стала ее компасом, напоминанием о том, что она настоящая.

Чтобы не привлекать внимания Службы Контроля бездельем, Кай устроил ее помощником архивариуса в муниципальную библиотеку Третьего кольца. Работа была пыльной,

низкооплачиваемой и до одури скучной — сортировка физических носителей данных, которые списывали сверху как устаревшие. Но именно эта работа привела ее обратно в Академию.

Библиотека обслуживала несколько учебных заведений, включая вечерние курсы повышения квалификации для сотрудников администрации. Раз в неделю курьерская служба привозила оттуда коробки с бракованными учебниками.

В одну из таких сред коробка оказалась помечена штампом кафедры Квантовой Этики Высшей Школы Управления. Кристина (теперь мысленно она позволяла себе называть себя так только внутри головы) вскрыла пломбу. Внутри лежали глянцевые журналы с эссе студентов.

Она начала перелистывать их машинально, проверяя целостность корешков. И замерла.

На глянцевой странице формата А4 было напечатано стихотворение. Оно нарушало все мыслимые метрические каноны современной поэзии, которые сводились к ритмичным мантрам во славу Единства. Строки ломались, ударялись друг о друга. Текст дышал:

Мы встроили счастье в височную долю, Зашили улыбку подкожным швом. А то, что осталось кричать от боли — Назвали системным багом, не сном.

Нам дали порядок ценой ампутации Того рудиментарного слова «Хочу». Мы стали вершиной цивилизации, Стоящей покорно лицом к палачу.

Кристина почувствовала, как вдоль позвоночника пробежал холодок, не имеющий ничего общего с температурой помещения. Это был не просто вызов. Это была открытая насмешка над самой сутью Хартии. Любой другой студент за такие строки получил бы «Гармонию 6.0» прямоком в гипофиз, превратившись в пускающего слюни садовода.

Она посмотрела на обложку журнала. Автор: Виктор Громов. Группа: Э-12. Специальность: Прикладная социодинамика и квантовая этика.

Витя.

Она слышала о нем. Даже лишенная доступа к социальным сетям чипа, слава о некоторых людях просачивается сквозь фильтры. Виктор Громов был мифом Академии. Двадцать шесть лет. Перевелся откуда-то с периферии два года назад. Победитель всех возможных олимпиад. Золотой мальчик Нового Мира. Девушки из общежитий делали ставки, кому он первым позволит синхронизировать сердечный ритм во время свидания. Преподаватели ставили его в пример как образец идеально интегрированной личности.

Но Кристина смотрела не на текст. Она смотрела на фотографию автора, прикрепленную к эссе.

Виктор Громов смотрел в объектив камеры. И он улыбался. Но это была не дежурная улыбка утвержденного Минздравом образца. Уголок его левого рта был чуть выше правого. В глазах плясали те самые веселые демоны хаоса, которых система десятилетиями выжигала каленым железом.

Он выглядел... неправильным. Живым.

И тогда Кристина заметила деталь, от которой перехватило дыхание.

На левой руке Виктора, на запястье поверх манжеты форменного кителя, не было браслета мониторинга состояния. Обязательного аксессуара каждого студента. Каждый раз, когда человек делал вдох, браслет должен был едва заметно мерцать зеленым, считывая уровень кислорода в крови. Запястье Виктора было пустым. Обнаженным.

Как такое возможно? Центральный Узел отслеживал отсутствие метрики быстрее, чем палец успевал нажать на спусковой крючок. Отсутствие сигнала браслета означало биологическую смерть или акт саботажа. Оба варианта должны были привести к высадке десантной группы Департамента в аудиторию ровно через двенадцать секунд.

Виктор же выглядел абсолютно спокойным. На фото он сидел за партой, закинув ногу на ногу, и крутил в пальцах обычную металлическую ручку. Древняя, архаичная вещь.

Кристина захлопнула журнал. Сердце колотилось о ребра. Впервые за месяцы жизни внизу она почувствовала не страх преследования, а жгучее, почти болезненное любопытство. Кто этот человек, который ходит по пасти льва, держа его за язык?

Лекция по Квантовой Этике называлась «Парадокс Наблюдателя в условиях абсолютной прозрачности общества».

Проходила она в Главной Аудитории — амфитеатре, способном вместить тысячу лучших умов страны. Кристина попала туда благодаря пропуску курьера, который Кай виртуозно скопировал. Она сидела на самом верхнем галерочном ряду, среди техников вентиляции и младшего обслуживающего персонала, одетая в серый комбинезон службы клининга. Лицо она прятала за высоким воротником и кепкой.

Внизу, в партере, сидела элита. Белоснежные лица, идеальные осанки, синхронный блеск контактных линз, выводящих перед глазами вспомогательную информацию.

Профессор на кафедре — седовласый старец, чей индекс благонадежности превышал две тысячи единиц — вещал о преломлении воли в гравитационном поле общественного мнения.

— ...таким образом, индивидуум перестает быть точкой сборки решений и становится лишь функцией распределения вероятностей, заданной алгоритмом! — провозгласил профессор, поправляя очки. — Свобода воли — это статистическая погрешность, возникающая при недостатке вводных данных. Наша задача как управленцев...

Дверь в дальнем конце аудитории открылась.

Разговоры стихли. Сто человек обернулись синхронно, как единый организм.

Виктор Громов опоздал на семь минут. Опоздание в Академии считалось физическим недугом, вроде внезапной атрофии ног.

Он вошел легкой, пружинистой походкой человека, которому принадлежит весь мир. На нем был безупречно скроенный костюм, подчеркивающий широкие плечи. Никакого студенческого кителя. Никаких нашивок. Он двигался сквозь ряды мест, извиняясь тихим бархатным голосом, от которого девушки в первых рядах начинали дышать чаще.

Виктор прошел мимо профессора, даже не взглянув на кафедру, поднялся на пару рядов вверх и сел на свободное место рядом со студенткой, чье кресло находилось всего в десяти метрах от укрытия Кристины.

Профессор прервал свою речь. Брови его сошлись на переносице. Подобное нарушение протокола требовало немедленной реакции системы. — Студент Громов, — голос старца дрогнул от сдерживаемого негодования. — Ваше появление вне графика дезорганизует вектор восприятия материала группой. Ваша оценка за посещаемость будет скорректирована. Займите любое место в зоне акустической тени, дабы не смущать коллег своим... сиянием.

Виктор повернул голову. Медленно, словно хищник, разглядывающий добычу. Посмотрел прямо на профессора. И улыбнулся. Той самой кривой, живой улыбкой с фотографии.

— Пространство относительно, профессор, — сказал он громко, перекрывая эхо аудитории. — А знание требует свежего воздуха. Здесь, наверху, думается лучше. Физика среды влияет на метафизику ума. Вы не находите?

Аудитория ахнула. Единым, испуганным вздохом тысячи грудей. Это была ересь высшего порядка. Использование субъективных понятий («лучше думается») вместо квантифицированных данных.

Кристина затаила дыхание, ожидая увидеть знакомую картину. Покраснение кожи. Хватание за горло. Корчи на полу от болевого импульса «Гармонии».

Ничего не произошло.

Профессор побагровел, но его рука, зависшая над кнопкой вызова охраны, опустилась. Система молчала. Красные диоды датчиков нарушения протокола на потолке продолжали гореть ровным успокаивающим светом.

Виктор отвернулся от кафедры, полностью потеряв интерес к преподавателю, и откинулся на спинку кресла. Закинул руки за голову.

И посмотрел вверх.

Его взгляд скользнул по рядам техников, по серым комбинезонам, по лицам людей-невидимок. Он искал. Кристина инстинктивно втянула голову в плечи, хотя находилась далеко.

Взгляд Виктора миновал троих рабочих слева. Пробежался по паре стажеров справа. И вернулся. Замер.

Он смотрел прямо на нее. Через кепку, через слой пыли на лице, через социальный статус.

Их разделяло сто метров высоты амфитеатра, десятки рядов кресел и пропасть между мирами. Но Кристине показав-

лось, что он стоит прямо перед ней, касаясь ботинками края ее люка.

Он слегка наклонил голову набок. Вопросительно. Словно спрашивая: *«Ну что, видишь?»*

Кристина видела.

Она видела, как датчики микроклимата над его головой выдают ошибку калибровки, пытаясь считать температуру его тела. Видела, как скрытые сканеры металлодетекторов в спинках кресел сходят с ума, фиксируя странное экранирующее поле вокруг него. Видела, как Миэра — призрак ее старой цифровой тюрьмы — пытается пробиться в оптический нерв панической вспышкой предупреждения: *«Объект не идентифицирован. Угроза класса "Омега"»*. Но угрозы не было. Было лишь колоссальное, подавляющее присутствие.

Виктор едва заметно подмигнул ей. Одним глазом. Дерзко, интимно, разрушая всякую субординацию.

Затем он перевел взгляд на профессора и поднял указательный палец, привлекая внимание. — Профессор, — произнес он сладким, ядовитым голосом. — Раз уж мы заговорили о парадоксах наблюдателя. Позвольте уточнить. Если свобода воли — это погрешность, то кем является сам Наблюдатель, оценивающий эту погрешность? Ведь чтобы оценить сбой алгоритма, нужно находиться вне алгоритма. Вы находитесь вне Великого Покоя, профессор? Или ваша воля тоже всего лишь функция распределения, и вы читаете нам лекцию исключительно потому, что ваши синапсы замкнуло

в правильной последовательности?

Это был нокаут. Философский шах и мат. Если профессор ответит «да, моя воля подчинена системе», он признает себя роботом. Если скажет «нет», он подпишет себе приговор как диссиденту.

Профессор открыл рот. Закрыл. Пот покатился по его вискам. Система безопасности аудитории продолжала бездействовать.

Виктор удовлетворенно хмыкнул, отворачиваясь. Он потерял интерес к дискуссии так же быстро, как и начал ее. Достал из внутреннего кармана плоскую фляжку, свинтил крышку и сделал глоток. По рядам пронесся шелест изумления. Употребление неконтролируемых жидкостей в Главной Аудитории каралось депортацией.

Кристина почувствовала, как по шее течет струйка холодного пота. Он играл. Играл с правилами игры, которые были написаны кровью и кремнием. И правила ему уступали.

Лекция закончилась в гробовом молчании. Профессор бормотал что-то про самостоятельное изучение главы четыре, стараясь не смотреть в сторону Виктора. Элита покидала зал, пряча глаза, боясь заразиться опасной близостью к этому человеку.

Кристина осталась сидеть на своем месте, пока техники не начали сворачивать кабели. Она ждала. Знала, что он выйдет последним. Такие люди всегда выходят последними, насла-

ждаясь произведенным эффектом.

Когда гул огромного здания стих, оставив только монотонный шум вентиляции, ступени зашуршали под тяжелыми шагами.

Виктор поднимался на галерею. Он не спешил. Шел уверенно, засунув руки в карманы брюк. Остановился на ступеньку ниже площадки, где сидела Кристина.

Теперь он возвышался над ней. От него пахло хорошим табаком, дорогим алкоголем и чем-то неуловимо диким, похожим на запах соснового леса после дождя — запахом, который давно исчез из парфюмированных карт мира.

— Курьеры обычно носят пакеты, — сказал он тихо. Голос вблизи звучал глубже, с легкой хрипотцой. — А на тебе пакет отсутствует. Только пятна гидравлического масла на коленях. Несоответствие формы и содержания. Интересный выбор маскировки.

Кристина заставила себя поднять голову. Посмотреть ему в глаза. Серые, цвета оружейной стали, с редкими золотыми крапинками у зрачков. — Меня зовут Рена, — солгала она. Горло пересохло. — Я разношу книги.

— Ты врешь, Рена-разносящая-книги, — Виктор улыбнулся уголком рта. — Люди твоего статуса боятся поднимать глаза. Их веки натренированы закрываться при виде белой рубашки. Ты же смотришь на меня так, будто пытаешься взломать код ДНК взглядом.

Он присел на корточки перед ней, уперев локти в колени.

Теперь их лица оказались на одном уровне. Расстояние — меньше метра. — Почему ты здесь? — спросил он. — Наверху тепло. Там кормят едой, которая не светится в темноте. Зачем променять идеальный сон на бессонницу реального мира?

— Меня уволили, — снова солгала Кристина. Правда застряла в зубах, слишком огромная и острая, чтобы произнести ее вслух. — Я... совершила ошибку. Большую.

— Все ошибки Большой Системы считаются правильными, пока ты молчишь о них, — он протянул руку. Между пальцами была зажата маленькая металлическая пластинка. Карта доступа. — На вот. Третья кабинка в мужском туалете на минус первом этаже библиотеки. Код замка сменяется каждые сутки, но твой новый знакомый оставил для тебя подарок. Там чистая одежда, аптечка и еда, которая не хочет тебя убить. Приведи себя в порядок. От тебя пахнет отчаянием, а оно привлекает крыс буквальных, а не политических.

Кристина взяла пластинку ледяными пальцами. — Кто вы? — прошептала она.

— Витя, — просто ответил он. — Тот самый парень, который пишет плохие стихи. Хотя они не плохие. Просто честные. А честность в наше время — самая дорогая валюта. Дороже чистой воды.

Он встал. Отряхнул невидимую пылинку с колена дорогих брюк. — Кстати, твоя легенда никуда не годится. Разносить книги с такой хромотой невозможно, нормативы эргономи-

ки заблокируют твой пропуск через час. Советую сменить специализацию. Например, на утилизацию токсичных отходов. Там всем плевать, как ты ходишь. Лишь бы копала глубоко.

Виктор развернулся, собираясь уходить вниз по лестнице. — Пстой, — окликнула Кристина. Голос сорвался.

Он обернулся. Одна бровь вопросительно поползла вверх. — Сегодня... в журнале, — она сглотнула. — Стихотворение. О свободе. Как ты это делаешь? Как обходишь блокировку? Мой бывший... мое обновление пятого уровня должно было превратить мозг в желе за первую строчку.

Виктор перестал улыбаться. Его лицо стало серьезным, собранным. Маска обаятельного трикстера слетела, обнажая нечто древнее и очень уставшее.

— Потому что нет никакого обновления пятого уровня, — сказал он тихо, чтобы слышали только они вдвоем. — Есть театр теней. Картонная декорация страха. Когда тебе ставят «Гармонию», тебе говорят, что встраивают предохранитель. На самом деле тебе вешают колокольчик на шею. Он звенит очень громко, пугая тебя саму. Но цепь, на которой он висит, сделана из прессованной грязи. Любой, кто перестанет бояться звука собственного страха, может просто перешагнуть через нее.

Он постучал пальцем по своему левому виску. — Импланта там нет, Рена. Я вырезал его пять лет назад. Раскаленной ложкой на кухне съемной квартиры. Боль была адской. Зато

теперь, когда я говорю слово «Бог» или «Любовь», мои нейроны не отправляют отчет в Министерство Семантики.

Кристина прижала ладонь ко своему левому виску. Под повязкой и слоем клея скрывалась гладкая, девственная кожа. Она свободна физически. Но Виктор показал ей, что тюрьма строилась не из титана. Она строилась из привычки повиноваться зеленому огоньку датчика.

— Зачем ты мне помогаешь? — спросила она. — Ты меня не знаешь.

— Я знаю твой тип, — Виктор вдруг посерьезнел еще сильнее, его взгляд буквально просвечивал ее насквозь, игнорируя слои грязи и рваную одежду. — Я видел твои файлы. Кристина Линд. Девяносто девять баллов из ста везде. Идеальная машина для производства успеха. До вчерашнего дня. Потом резкий скачок аномалий, попытка публичного суицида путем декламации запрещенной философии и чудесное исчезновение из закрытой комнаты. Тебя ищет половина Евразийской Коалиции. А ты сидишь здесь в костюме ассенизатора.

Сердце Кристины пропустило удар. Он знал ее имя. Он знает, кто она. Это конец. Сейчас он нажмет кнопку на коммуникаторе, и придут люди в черном.

Виктор прочитал ужас на ее лице и негромко рассмеялся. Смех был сухим и безопасным. — Расслабься. Если бы я хотел сдать тебя Департаменту, ты бы уже давала показания под сывороткой правды в подземельях Узла. Я наблюдал за

тобой с того самого дня, как ты вышла на площадь Согласия вслед за Каем. Ты сделала шаг в пустоту, Рена. Мало кто на это способен. Обычно прыгают те, кого толкнули. Ты прыгнула сама.

Он полез во внутренний карман и достал сложенный вчетверо лист бумаги. Протянул ей. Обычная бумага, распечатка на примитивном принтере. — Держи. Это расписание движения грузовых магнитопланов в портовую зону Владивостока. Раз в неделю. Завтра в полночь. Платформа номер четырнадцать. Охрана берет взятки тушенкой. Скажешь, что от Виктора. Тебя посадят в контейнер с замороженной рыбой. Мерзко, но безопасно. Во Владивостоке наши люди вытащат тебя. Начнешь новую жизнь. Там дожди идут триста дней в году, смывают всю цифровую пыль.

Кристина взяла листок. Пальцы дрожали. — А ты? — спросила она. — Куда пойдешь ты?

— А я останусь здесь, — он широко развел руками, обводя огромную, пустую, величественную аудиторию. — Кто-то же должен дергать тигра за усы, чтобы он не забыл, что он зверь, а не коврик. Будь осторожна, Кристина. Мир снаружи гораздо страшнее, чем рассказывают в новостях, но он настоящий. Лучше сгореть в атмосфере свободы, чем гнить в раю из стекла.

Он развернулся и пошел прочь, ступая легко и беззвучно. Его фигура растворилась в тени колонн главного холла.

Кристина осталась одна. Она разжала кулак. Металличе-

ская пластинка от кабинки туалета приятно холодила ладонь. Рядом лежал листок с маршрутом побега на край света.

Она подняла взгляд на огромный купол потолка Главной Аудитории. Там, в переплетении балок, мигал красный огонек сервисного дрона.

Впервые за полгода она не чувствовала ни голода, ни боли в ноге, ни холода. Она чувствовала стыд.

Стыд за то, что целый месяц благодарила Кая за спасение, проклинала систему и считала себя героем-повстанцем. А оказывается, все это время она играла в песочнице. Настоящий бунтарь находился здесь, в самом сердце зверя, носил дорогие костюмы и пил коньяк перед лекциями. Он не бежал. Он жил здесь, танцевал на проводах высокого напряжения и получал от этого удовольствие.

Виктор увидел ее настоящую. Ту, что спряталась под маской поломанной беженки. Увидел потенциал, ярость и интеллект, которые она сама в себе пыталась отрицать, приняв роль жертвы обстоятельств.

Она посмотрела на листок с планом побега во Владивосток. Затем на свои руки. Мозоли от сортировки книг были настоящими. Кровь под ногтями от ползания по коллекторам была настоящей.

Но бежать в грузовом отсеке, завернутой в рыбу? Это было бегством. Продолжением роли мусора, которую ей любезно предложил сначала Кай, а затем подтвердил Виктор.

Кристина аккуратно сложила листок с маршрутом. Суну-

ла его в карман комбеза. Металлическую карту от туалетной кабинки она положила в другой карман.

Затем она встала. Боль в ноге вспыхнула протестующе, но Кристина задавила ее усилием воли.

Она пошла не к выходу из здания, где ее могли ждать патрули, проверив списки курьеров. Она спустилась на пролет ниже. Прошла по гулкому коридору административного крыла. Остановилась перед дверью архива факультета Социодинамики.

Замок здесь был старым, механическим. Наследие прошлого века. Кристина достала из волос шпильку — единственную дань ее прошлой женственности, которую она сохранила, закалив ее в огне старой буржуйки Кая до прочности стали.

Если Виктор смог жить внутри дракона, оставаясь человеком, значит, и она сможет. Бежать можно по-разному. Можно стать пеплом, улетающим в трубу. А можно стать вирусом в коде системы. Тихим, незаметным, размножающимся в темноте серверов.

Шпилька вошла в скважину. Кристина прислушалась к щелчкам механизма. Где-то в недрах здания заревела сирена учебной тревоги.

Где-то на другом конце кампуса Виктор Громов наверняка улыбнулся своей кривой улыбкой, услышав этот звук.

Кристина улыбнулась в ответ пустой темноте коридора. Игра только начиналась.

Глава 4. Аномалия

Библиотека Третьего кольца пахла пылью, старым клеем и запустением. Это был склеп бумажной эры, куда свозили отслужившие свое носители информации перед тем, как превратить их в пульпу для новых одноразовых стаканчиков министерства. Кристина — теперь официально Рена, гражданка категории «Д» с аннулированным индексом благонадежности — проводила здесь по десять часов в сутки.

Работа была механической. Сортировка утилизированных учебников. Левая стопка — на переработку в биомассу. Правая стопка — в архив редких изданий под грифом «Субъективно-опасно». Ее руки покрылись цыпками от дешевого дезинфектанта, а спина ныла постоянно, протестуя против низкокачественного эргономичного кресла. Но тело больше не было врагом. Боль стала союзником, надежным якорем, удерживающим сознание в реальности.

Прошло три недели с момента побега из Академии. Три недели жизни без нейрочипа. Физически она исцелилась быстро — молодость и метаболизм делали свое дело. Психологически она все еще собирала себя по осколкам. Каждое утро, просыпаясь в каптерке Кая среди запаха мокрого цемента, ей приходилось заново привыкать к отсутствию утренней сводки новостей прямо в зрительный нерв. Ей приходилось *вспоминать*, какой сегодня день, сверяясь с бумаж-

ным календарем, приклеенным скотчем к стене.

Но главным наваждением стал Виктор Громов. Его образ преследовал ее во сне и наяву. Человек-призрак, живущий внутри системы, но находящийся вне ее власти. Она перечитывала его эссе о квантовой этике десятки раз, ища между строк инструкции по взлому собственной головы. Он знал, кто она. Он оставил ей путь к отступлению — Владивосток, контейнеры с рыбой, сеть сопротивления. И он же смотрел сквозь нее в той аудитории, словно видел не беглую преступницу, а нечто иное. Заготовку.

Кристина работала над партией старых медицинских справочников, когда периферийное зрение уловило движение у главного терминала выдачи книг.

Она замерла, сжимая в руках тяжелый том «Патологической анатомии сознания 2035 года».

В дверях стоял он.

Виктор выглядел иначе, чем в стенах Академии. Там он носил безупречные костюмы, играя роль золотого мальчика. Здесь, в пыльной полутьме библиотеки, на нем были потертые джинсы, заправленные в высокие армейские ботинки, и простая черная футболка, обтягивающая широкие плечи. Никакой вальяжности. Движения стали экономными, хищными. Так двигается волк, зашедший в овчарню просто потому, что калитка оказалась незапертой.

Он не подошел к стойке регистрации. Вместо этого его взгляд — острый, сканирующий — прошелся по рядам стел-

лажей. Искал.

Сердце Кристины пропустило удар, а затем забилося где-то в горле. Инстинкт, выработанный месяцами выживания на дне, кричал: прячься. Стань невидимой. Опустит голову ниже, надвинь кепку на глаза. Ты мусор. Мусор никто не ищет.

Но другая часть ее — та самая, что стояла на краю пожарной лестницы в Академии, глядя в бездну — выпрямилась. Она положила справочник на стол так медленно и осторожно, словно тот был сделан из хрусталя.

Витя нашел ее. Их взгляды встретились через весь зал, заставленный книжными шкафами. Расстояние составляло метров сорок. Темнота, стеллажи и несколько дремлющих студентов разделяли их.

И тогда это началось снова.

Пространство вокруг Кристины пошло рябью. Воздух сгустился, превращаясь в полупрозрачную преграду. Цвет этой преграды нельзя было назвать однозначно красным, хотя именно этот цвет вспыхивал в ее мозгу при попытке неповиновения. Это был скорее цвет запекшейся крови, видимый сквозь мутное стекло. Вертикальная стена абсолютного запрета возникла прямо перед ней, рассекая реальность.

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ] Голос Миэры не звучал в ушах — чипа больше не было. Голос исходил откуда-то из глубины спинного мозга, из эволюционного страха человека перед гневом вожака стаи. «Гражданка Линд

(статус: Аннулирован). Обнаружена попытка визуального контакта с объектом "Громов-В" (Статус: Уровень угрозы Альфа-Ноль). Социальный протокол запрещает сближение. Индивид классифицирован как носитель радикальной идеологии. Рекомендуются сменить маршрут».

Кристина сделала шаг вперед. Просто один шаг, чтобы переступить через невидимую трещину в полу.

Боль пришла мгновенно. Не электрический разряд «Гармонии», который бьет извне. Эта боль родилась прямо внутри костей. Словно костный мозг вскипел, превращаясь в лаву. Красная стена перед глазами вспыхнула ослепительным светом, выжигая сетчатку. Пространство исказилось перспективой: Витя вдруг оказался бесконечно далеко, за миллионы километров вакуума, а рука Кристины, протянутая к нему навстречу, превратилась в конечность насекомого.

Ее колени подогнулись. Пальцы судорожно вцепились в край металлического стеллажа. Холодный металл обжег кожу, возвращая ощущение тела. Она тяжело задышала, пытаясь протолкнуть воздух в горящие легкие. Программа не хотела убивать ее физически — мертвый диссидент бесполезен. Программа пыталась сделать передвижение к цели невыносимым. Каждый шаг к Виктору стоил бы ей вспышки боли, эквивалентной разрыву селезенки.

— Интересный способ приглашения на свидание, — раздался спокойный голос совсем рядом.

Кристина резко вскинула голову. Слезы текли по щекам

— защитная реакция глаз на фантомный свет красной стены. Виктор стоял прямо перед ней.

Красная зона аномалии никуда не исчезла. Кристина видела, как лицо Виктора искажается, преломляясь сквозь барьер программы, как сквозь воду. Но сам он шел сквозь эту стену так, словно ее не существовало. Ни судороги, ни капли пота на лбу. Он пересек границу запретной зоны, даже не замедлив шага. Для него пространство библиотеки оставалось единым и свободным.

— Они очень ревнивы, эти алгоритмы, — тихо сказал он, наклоняясь к ней. Его тень упала на ее лицо, скрывая верхнюю половину зала. — Не любят, когда их игрушки пытаются играть с другими детьми.

— Как... — прохрипела Кристина, глотая слезы и остатки боли. Горло саднило. — Как ты...

— Хочешь фокус? — перебил он. На его губах играла легкая, почти отеческая улыбка. Он протянул руку. Его ладонь прошла сквозь красную пелену, зависнув в дюйме от ее лица. — Видишь? Иллюзия работает только для тех, кто согласен быть обманутым. Твой страх рисует решетки там, где есть лишь пустота.

Он щелкнул пальцами. Звук получился сухим и громким, эхом отразившись от высоких потолков.

В ту же секунду красная стена рухнула. Не растворилась плавно, а исчезла, как выключенная голограмма. Вместе с ней ушел и голос из спинного мозга. Наступившая тишина

оглушила сильнее любого крика. Кристина пошатнулась, потеряв опору, которая держала ее в вертикальном положении последние месяцы. Мир внезапно стал слишком просторным и опасным.

Виктор мягко, но уверенно взял ее за локоть, удерживая от падения. Прикосновение его пальцев обожгло кожу сквозь рукав рабочего комбинезона. Оно было настоящим. Теплым. Несущим информацию о силе рук, способных ломать кирпичи.

— Пойдем, — сказал он, увлекая ее в лабиринт стеллажей, подальше от стойки администратора и сонных взглядов студентов. — Центральный зал просматривается пятьюдесятью камерами. Старыми, аналоговыми, которые Департамент считает пережитком, но ленится демонтировать. У них слепые пятна в секции философии двадцатого века. Самое подходящее место для нас.

Они шли молча. Каблуки его ботинок гулко стучали по бетонному полу, шаги Кристины тонули в этом звуке. Он завел ее глубоко в недра хранилища, туда, где заканчивались ряды учебной литературы и начинались архивы. Запах здесь был другим — тяжелым запахом старой бумаги, кожи и типографской краски. Настоящая история человечества хранилась здесь, забытая теми, кто предпочитал потреблять знания инъекциями данных.

Виктор остановился в узком проходе между секцией «Экзистенциализм» и «Русский космизм». Вытащил из кармана

маленький куб-глушитель размером со спичечный коробок, нажал на грань. Тихо пискнул индикатор. — Теперь мы одни, — сказал он. — Даже крысы внизу не услышат нас.

Он прислонился плечом к стеллажу, заполненному собраниями сочинений Достоевского. Корешки книг тускло блестели золотом. — Выпей, — он достал из другого кармана плоскую фляжку из нержавейки. Отвинтил крышку и протянул Кристине. — Чистый спирт пополам с водой. Гадость, но отлично прочищает синапсы после системного шока.

Кристина взяла флягу дрожащими руками. Жидкость вошла жженой резиной. Она зажмурилась и сделала глоток. Огненная волна прокатилась по пищеводу, взорвавшись в желудке приятным теплом. На глазах выступили новые слезы, уже от крепости напитка. Она вернула флягу.

— Спасибо, — выдохнула она.

— Не благодари, — Виктор сделал глоток сам, поморщился. — Я делаю это не из альтруизма. Мне нужен напарник. А напарники, упавшие в обморок от первой дозы реальности, долго не живут.

Он внимательно посмотрел на нее. Взгляд его изменился. Исчезла легкость, пропала маска обаятельного трикстера. Сейчас на Кристину смотрели глаза хирурга или следователя — внимательные, оценивающие, лишённые всякой жалости.

— Ты изменилась, — констатировал он. — Ниже спуститься сложно. Кай хорошо тебя прячет, но он делает из людей зверей. Ты начала двигаться как они — сутулиться, пря-

тать руки. Теряешь форму, Кристина. Форма — это единственное оружие, которое у тебя осталось.

Услышав свое настоящее имя из его уст, она вздрогнула. — Меня зовут Рена. Документы уровня «Д»...

— Твои документы уровня «Д» — это туалетная бумага, если Департамент решит нажать кнопку «Синхронизация баз», — жестко оборвал он. — Имя «Кристина Линд» до сих пор висит в реестре активных угроз первого приоритета. Красный флаг. Любой патрульный дроид расстреляет тебя на месте, прежде чем успеет обработать запрос. Тот факт, что ты еще дышишь, объясняется только моей личной проекцией. Мои друзья в отделе очистки баз данных пока держат твои файлы в карантине. Но это временная мера. Нам нужно вытащить тебя из города до того, как Большой Брат заметит дыру в отчетности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.